Assassin's Creed. Тайный крестовый поход

Автор:
Оливер Боуден

Assassin's Creed. Тайный крестовый поход

Оливер Боуден

Assassin's Creed #3

Никколо Поло, отец Марко Поло, наконец решается рассказать историю, которую держал в тайне всю жизнь: историю Альтаира – одного из выдающихся членов братства ассасинов.

Альтаиру поручена миссия исключительной важности, и он отправляется странствовать по Святой земле. Чтобы доказать свою верность братству, он должен уничтожить девять заклятых врагов ассасинов, включая великого магистра ордена тамплиеров. Эта миссия не только откроет Альтаиру истинный смысл Кредо, она изменит ход истории человечества.

Основой для книги послужила популярная компьютерная игра компании «Ubisoft».

Впервые на русском языке!

Оливер Боуден

Assassin’s Creed. Тайный крестовый поход

©?И. Иванов, перевод, 2016

©?Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА

* * *

Пролог

Ветер щедро надувал паруса. Уже много дней величавый корабль скрипел и стонал, держа путь на восток, к великому городу. Он вез ценный груз – единственного пассажира, которого команде представили как Наставника.

Сейчас пассажир одиноко стоял на палубе. Откинув капюшон плаща, подставлял лицо соленым брызгам. Это стало его каждодневным ритуалом: выйти из каюты на палубу, выбрать место, откуда можно в молчании смотреть на море, а потом вернуться к себе. Иногда вместо полубака он выходил на ют, но и оттуда неизменно разглядывал белые гребни волн.

Каждый день команда следила за ним. Матросы привычно трудились на палубе и на мачтах, обменивались шутками и время от времени украдкой поглядывали на задумчивого человека в плаще. «Кто же он такой, этот Наставник? – спрашивали они себя. – Что за птицу к нам занесло?»

Вот и сейчас команда косилась на пассажира, а тот отошел от планшира и опустил капюшон. На мгновение замер, склонив голову и опустив руки. Кое-кто из матросов даже побледнел, когда таинственный незнакомец проходил мимо, возвращаясь в свою каюту. И после того, как за ним затворилась дверь, на палубе вздохнули с облегчением.

Войдя к себе, ассасин сел за стол, налил кружку вина и потянулся к книге, что лежала на столе. Раскрыв ее, он принялся читать.

Часть первая

1

19 июня 1257 г.

Мы с Маттео находимся в Масиафе и задержимся здесь по крайней мере до тех пор, пока не прояснятся некоторые… неопределенные обстоятельства (назовем их так). До этого времени мы остаемся во власти Альтаира ибн Ла-Ахада – Наставника братства ассасинов. Нас угнетает невозможность распоряжаться собственной судьбой и особенно то, что нынче над нею властвует глава братства, который в своем преклонном возрасте устраняет неопределенности с той же беспощадной точностью, с какой в прежние годы он мечом и клинком устранял своих противников. Меня он хотя бы удостаивает рассказами о своем прошлом. Маттео лишен этой привилегии, отчего становится все беспокойнее. Я вполне могу его понять. Он успел устать от Масиафа. Ему надоело подниматься и спускаться по крутым склонам, проходя путь от крепости ассасинов до деревни, лежащей внизу. Маттео отнюдь не любитель гористой местности. Он настоящий Поло, и его тягу к странствиям после шести месяцев пребывания здесь можно сравнить с зовом любвеобильной женщины, чью страсть и соблазн невозможно оставить без внимания. Ему не терпится поскорее оказаться на палубе корабля, увидеть надутые ветром паруса и отплыть к новым землям, навсегда простившись с Масиафом.

Нетерпение Маттео – досадная помеха, без которой мне было бы намного легче, если говорить честно. Альтаир вот-вот сообщит что-то важное. Я это чувствую. И потому сегодня я сказал:

– Маттео, я собираюсь рассказать тебе одну историю.

Я смотрю на его манеры и недоумеваю: неужели мы – братья? Я начинаю в этом сомневаться. Вместо того чтобы с ожидаемым энтузиазмом принять эту новость, клянусь, я услышал, как он вздохнул (или, возможно, ему было просто тяжело

дышать на жарком солнце), а потом спросил тоном скучающего человека:

– Никколо, прежде чем ты начнешь рассказывать, можно узнать, о чем эта история?

Представляете? Однако я сдержался.

– Хороший вопрос, брат, – ответил я, давая Маттео пищу для размышлений, пока мы взбирались на очередной ненавистный ему склон.

Над нашими головами высилась цитадель, выстроенная на горном выступе. Казалось, она не сложена из камней, а высечена прямо в скале. Для своего рассказа мне хотелось выбрать соответствующий пейзаж, и лучшего места, чем то, где мы сейчас шли, было не найти. Масиафская крепость являла собой внушительный замок со множеством башен. Ее окружали сверкающие воды быстрых речек. Внизу раскинулось большое и шумное селение, тоже с названием Масиаф – своеобразный центр долины реки Оронт. Настоящий оазис мира. Земной рай.

– Моя история касается знаний. – Я сделал ударение на последнем слове. – Как ты знаешь, «ассасин» по-арабски означает «страж». Ассасины – хранители тайн, и эти тайны связаны со знаниями. Так что… – без сомнения, я был очень доволен собой, – да, это история о знаниях.

– В таком случае вынужден тебя огорчить: у меня назначена встреча.

– Вот как?

– Я бы с большим удовольствием отвлекся от своих ученых занятий, а не занялся бы новыми научными изысканиями.

Я улыбнулся.

– Но тебе наверняка захочется услышать истории, которые мне рассказывал Наставник.

– В твоем исполнении даже описание самой кровавой из битв будет навевать лишь сон и скуку… А ведь я обожаю истории кровавых битв, ты сам это подмечал.

– Подмечал.

Маттео улыбнулся уголками рта.

– И ты прав.

– Тебе непременно нужно это услышать. Ведь это история жизни великого Альтаира ибн Ла-Ахада. Поверь, она насыщена событиями, и пролитой крови в них более чем достаточно.

Мы подошли к барбакану, миновали арку, сторожевой пост, а затем двинулись вверх по склону к внутренней цитадели. Перед нами высилась башня, в которой жил Альтаир. Неделю за неделей я приходил к нему и проводил бесчисленные часы в его обществе, молчаливо восхищаясь услышанным. Альтаир любил сидеть, сцепив руки и уперев локти в подлокотники кресла с высокой спинкой. В такой позе он рассказывал свои истории. Капюшон Альтаира был всегда глубоко надвинут. С какого-то момента я стал ощущать, что старик не просто так рассказывает мне эти истории. По неизвестным и непонятным мне причинам он избрал меня своим слушателем.

Во время, не занятое рассказами, Альтаир обычно размышлял над книгами, погружаясь в воспоминания. Порой он подолгу стоял у окна своей башни, смотря куда-то вдаль. «Наверное, он и сейчас там стоит», – подумалось мне. Я прикрыл ладонью глаза, задрал голову, но не увидел ничего, кроме выбеленных солнцем камней.

– Он нас ждет? – спросил Маттео, прерывая мои мысли.

– Нет, сегодня он нас не ждет, – ответил я и указал на другую башню, находившуюся чуть правее. – Мы поднимемся туда.

Маттео нахмурился. Оборонительная башня была самой высокой из башен цитадели. На ее крышу вела крутая полуобвалившаяся лестница. Я заправил

тунику за пояс и повел Маттео на первый этаж. Затем мы поднялись на второй и наконец достигли самого верха. Вокруг нас, уходя к горизонту, лежала скалистая местность. Серебристыми кровеносными сосудами ее прорезали реки. К их берегам лепились деревушки. Деревня Масиаф отсюда была видна как на ладони: здания, несколько базаров, загон для скота, конюшни и внешний частокол.

– Мы очень высоко забрались? – спросил слегка позеленевший Маттео.

Брат, конечно же, опасался, что порывом ветра его может сдуть с башни.

– Почти на восемьдесят метров, – ответил я. – Достаточно высоко, чтобы ни одна вражеская стрела не достигла ассасинов. Зато они могли обрушить на врагов целый град стрел.

Я показал брату навесные бойницы, имевшиеся со всех сторон башни.

– Из этих бойниц ассасинам было удобно метать камни во врагов и поливать их кипящим маслом…

У каждой из бойниц было что-то вроде деревянного балкона. Мы вышли на один из них, крепко держась за перила. Перегнувшись через них, посмотрели вниз. Башня будто вырастала из скалы, а внизу под солнцем блестела река.

Маттео побледнел и поспешно отступил назад, на крепкий настил крыши. Я засмеялся и последовал его примеру. (По правде говоря, я и сам был рад уйти с опасного места, вызывавшего головокружение.)

– Зачем ты привел меня на эту башню? – полюбопытствовал Маттео.

– Отсюда начинается моя история. Во многих смыслах. Прежде всего, с этой башни дозорный однажды увидел войска завоевателей.

– Завоевателей?

– Да. Армию Салаха ад-Дина, или Саладина[1 - Салах ад-Дин – это лакаб, почетное прозвище, означающее «благочестие веры». Собственное имя этого

правителя – Юсуф ибн Айюб (Юсуф, сын Айюба). (Примеч. перев.)]. Он задался целью осадить Масиаф и сокрушить ассасинов. Это было восемьдесят лет назад, солнечным августовским днем, очень похожим на сегодняшний…

2

Первыми дозорный увидел птиц.

Движущаяся армия привлекает падальщиков, главным образом пернатых, которые ищут, чем можно поживиться, и подбирают всевозможные отходы, а также трупы людей или животных.

Затем дозорный разглядел облако пыли, которое рассеивалось, обнажая темное движущееся пятно. Появившись на горизонте, оно медленно, но неумолимо двигалось вперед. Армия – это огромный прожорливый зверь, пожирающий все на своем пути. Порой одного только вида движущейся армии бывает достаточно, чтобы противник сдался без боя. Салах ад-Дин это прекрасно знал.

Но не в этот раз. Не сейчас, когда его противниками были ассасины.

Для своего похода сарацинский полководец собрал скромную армию из десяти тысяч человек. В это число входили пехота, кавалерия и обоз. Салах ад-Дин рассчитывал сокрушить ассасинов, которые уже дважды покушались на его жизнь. Третья попытка могла оказаться удачной. Поэтому он решил принести войну к их порогу, к горам Ансарии, где у ассасинов имелось девять крепостей.

До Масиафа доходили вести, что солдаты Салаха ад-Дина зверствовали везде, где проходили, сея смерть и разрушения, однако ни одна крепость не пала под их натиском. Теперь сарацинский султан двигался на Масиаф, намереваясь взять крепость и потребовать голову Аль-Муалима – главы братства ассасинов.

Салах ад-Дин считался умеренным и справедливым правителем, вот только проклятые ассасины… Их он ненавидел и боялся. Шпионы ассасинов сообщали, что дядя Салаха – Шихаб ад-Дин – советовал достигнуть с врагами мирного соглашения. Пусть лучше эти опасные и непредсказуемые убийцы будут

союзниками, а не противниками, считал Шихаб. Однако мстительный султан не желал мира с ассасинами, и потому в один из солнечных августовских дней 1176 года дозорный Масиафа увидел вначале птиц, затем громадное облако и, наконец, черное пятно на горизонте. Поднеся к губам рог, дозорный подал сигнал тревоги.

Запасшись продовольствием и водой, жители Масиафа поспешили укрыться за стенами цитадели. И хотя на лицах многих из них был запечатлен страх, некоторые уже расставляли по внутренним дворам свои палатки, намереваясь продолжить торговлю. Тем временем ассасины вплотную занялись укреплением цитадели, готовясь к встрече с армией Салаха ад-Дина. Молча они наблюдали, как черное пятно все больше разрасталось на горизонте, пожирая прекрасную зеленую долину.

До слуха ассасинов уже доносились звуки труб, барабанов и литавр. Вскоре из дневного марева стали появляться фигуры вражеских солдат. Их были тысячи. Первой двигалась пехота, состоявшая из армян, нубийцев и арабов, вооруженных луками, копьями и дротиками. Вскоре ассасины увидели вражескую кавалерию: арабов, турок и мамлюков. На солнце блестели их сабли, пики и тяжелые боевые мечи. Наконец показался обоз. В пестрых паланкинах несли знатных женщин и святых старцев. Следом двигались жены и дети солдат, а также рабы.

Ассасины наблюдали, как армия Салаха ад-Дина достигла частокола и подожгла его. Вскоре запылали и конюшни. По-прежнему гудели трубы, оглушительно звенели литавры. Деревенские женщины в цитадели подняли вой, опасаясь, что захватчики подожгут их дома. Однако захватчики не стали ничего поджигать. Армия остановилась в пределах деревни. Казалось, до крепости им нет никакого дела.

Они не отправили к ассасинам ни посланников, ни гонцов. Армия Салаха ад-Дина разбила лагерь. Почти все шатры были черными, однако в середине поставили цветные, предназначенные для великого султана и старших военачальников. На шестах, удерживающих шатры, затрепетали вышитые флаги. Сами шатры были сделаны из шелка, а верхушки шестов оканчивались позолоченными шарами.

Ассасины, готовясь к обороне крепости, пытались разгадать тактику врага: попытается ли Салах ад-Дин штурмом взять крепость или станет морить осажденных голодом? К вечеру ответ на этот вопрос был получен. Вражеские

солдаты принялись собирать осадные башни. Костры полыхали до глубокой ночи. Привычная тишина была взорвана визгом пил и стуком молотков. Все это слышали караульные на парапетах и военный совет, собравшийся в башне Наставника.

– К нам пожаловал сам Салах ад-Дин, – сказал Фахим аль-Саиф, один из старших ассасинов. – Такую возможность нельзя упускать.

Аль-Муалим задумался. Из окна ему хорошо был виден разноцветный шатер, где сейчас Салах ад-Дин размышлял над предстоящей победой или поражением. Наставник ассасинов думал об ущербе, уже нанесенном цветущей долине армией великого султана, и о том, что с природой сделают вдвое большие силы противника, если эта кампания окончится для них неудачей…

На стороне Салаха ад-Дина были власть и сила. Но ассасины коварны и хитры.

– Стоит убить Салаха ад-Дина, и сарацинская армия рассыплется, – продолжал Фахим.

– Я так не думаю, – покачал головой Аль-Муалим. – Его место займет Шихаб.

– Он и в половину не так силен, как Салах ад-Дин.

– Тогда он просто добьется меньших успехов в противостоянии с христианами, – резко возразил Аль-Муалим, начинавший уставать от воинственных предложений Фахима. – Мы же не хотим оказаться во власти христиан? Или против собственной воли стать их союзниками в борьбе с султаном? Не забывай, Фахим, что мы – ассасины. У нас свои намерения. Мы никому не служим.

В помещении, где курились сладковатые благовония, стало тихо.

– Салах ад-Дин так же настороженно относится к нам, как мы – к нему, – подумав, произнес Аль-Муалим. – Сыграем на этом.

Наутро сарацины поволокли вверх по склону таран и осадную башню, в то время как турецкие конные лучники забрасывали цитадель стрелами. Солдаты Салаха ад-Дина пытались штурмовать внешние стены, однако сверху на их головы

сыпались камни и стрелы, а также лились струи кипящего масла. Небольшие отряды ассасинов делали вылазки через боковые двери, отражая атаки пехоты. К концу дня обе стороны потеряли немало бойцов. Сарацины отступили в деревню. И вновь до глубокой ночи полыхали костры: захватчики чинили поврежденные осадные башни и строили новые.

Ночью со стороны вражеского лагеря послышался странный шум. К утру следующего дня разноцветный шатер султана исчез. Великий Салах ад-Дин уехал, взяв с собой небольшой отряд телохранителей.

Вскоре к воротам крепости подъехал его дядя Шихаб ад-Дин, намереваясь говорить с Наставником ассасинов.

3

– Его величество Салах ад-Дин получил ваше послание и самым любезным образом благодарит вас за него, – выкрикивал посланник. – Неотложные дела заставили его уехать, но он оставил предписания его превосходительству Шихабу ад-Дину вступить с вами в переговоры.

Посланник стоял рядом с конем Шихаба, сложив руки рупором, чтобы Наставник и старшие ассасины, находившиеся в башне, расслышали его слова.

Неподалеку стоял небольшой отряд человек в двести – телохранители Шихаба, который оставался в седле с таким каменным лицом, будто его совершенно не волновал исход переговоров. Он облачился в широкие белые шаровары и камзол, подпоясавшись перекрученным красным кушаком. В большую, ослепительно-белую чалму был вставлен сверкающий драгоценный камень. «Наверняка у камня есть звонкое имя», – подумал Аль-Муалим, наблюдавший за происходящим с башни. Или «Звезда чего-то там», или «Роза чего-то там». Сарацины обожали давать имена своим побрякушкам.

– Так начинайте! – крикнул Аль-Муалим.

«Неотложные дела, ха!» – с усмешкой подумал он, вспоминая, как несколько часов назад в его покои пришел ассасин и, разбудив, позвал в тронный зал.

– Здравствуй, Умар. – Аль-Муалим, чувствуя, как утренний холод пробирает до костей, плотнее закутался в свои одежды.

– Здравствуй, Наставник. – Умар склонил голову.

– Ты ведь пришел рассказать мне о своей вылазке?

Аль Муалим зажег масляную лампу, висящую на цепи, затем уселся в кресло. По полу забегали тени.

Умар молча кивнул. Аль-Муалим заметил у него на рукаве кровь.

– Информация наших шпионов подтвердилась?

– Да, Наставник. Я сумел пробраться в их лагерь. Как нам и говорили, этот пестрый шатер оказался уловкой. Шатер Салаха ад-Дина стоял поблизости и почти ничем не выделялся среди остальных шатров.

– Прекрасно, прекрасно, – улыбнулся Аль-Муалим. – А как ты сумел узнать, в каком именно он шатре?

– Как и сообщали наши шпионы, вокруг шатра был рассыпан мел вперемешку с золой – их звук тут же возвестил бы о пришельце.

– Но ты, надеюсь, пробрался бесшумно.

– Да, Наставник. Я сумел проникнуть в шатер султана и, как мне велели, оставить перо.

– А письмо?

– Приколол кинжалом к его койке.

– Что было потом?

– Я выбрался из его шатра…

– И?

Умар замолк. Аль-Муалим тоже молчал в ожидании ответа.

– Султан проснулся и поднял тревогу. Я едва остался в живых.

– А это откуда? – спросил Аль-Муалим, указывая на засохшее пятно крови.

– Наставник, чтобы выбраться оттуда, мне пришлось… перерезать глотку одному…

– Караульному? – с надеждой спросил Аль-Муалим.

Умар печально покачал головой:

– На нем были тюрбан и камзол знатного человека.

Услышав это, Аль-Муалим закрыл усталые глаза и тихо спросил:

– Другого выбора не было?

– Наставник, я действовал второпях.

– Во всем остальном твоя вылазка удалась?

– Да, Наставник.

– Тогда посмотрим, как дальше будут развиваться события.

А дальше последовали спешный отъезд Салаха ад-Дина и визит Шихаба. Стоя у себя в башне, Аль-Муалим все же надеялся, что его замысел удался и ассасины

одержали победу. Их послание требовало от султана прекратить войну и предупреждало: в следующий раз кинжал будет воткнут не в койку, а ему между ног. Само появление этого письма показывало, насколько в действительности уязвим Салах ад-Дин. Что толку от его многочисленной армии, если один-единственный ассасин сумел миновать караульных и проникнуть в шатер, где спал великий правитель?

Возможно, свое мужское достоинство Салах ад-Дин ценил выше, чем затяжную и дорогостоящую войну против врагов, чьи интересы крайне редко входили в противоречие с его собственными. И потому султан уехал.

– Его величество Салах ад-Дин принимает ваше предложение о мире, – выкрикнул посланник.

Аль-Муалим удивленно переглянулся с Умаром, стоявшим рядом. Фахим же, стоявший чуть поодаль, лишь поджал губы.

– Можно ли считать эти слова гарантией того, что в дальнейшем со стороны султана не последует никаких враждебных выпадов в отношении нашего братства и что он не станет вмешиваться в наши дела? – спросил Аль-Муалим.

– Да… в той мере, в какой это не противоречит интересам его величества.

– Тогда и я принимаю предложение его величества, – сказал довольный Аль-Муалим. – Выводите ваших людей из Масиафа. Возможно, перед уходом вы даже соблаговолите поставить новый частокол взамен сожженного.

При этих словах Шихаб сердито посмотрел в сторону башни. Даже с высоты Аль-Муалиму был виден гнев, мелькнувший в глазах дяди султана. Нагнувшись, Шихаб стал что-то говорить посланнику. Тот слушал, кивая, а потом снова поднес ко рту сложенные ладони и прокричал:

– Во время передачи вашего послания был убит один из самых опытных и надежных военачальников Салаха ад-Дина. Во искупление этого злодейства его величество требует голову виновного.

Улыбка Аль-Муалима погасла. Умар замер в напряжении.

В воцарившейся тишине слышалось лишь фырканье лошадей и щебет птиц. Все ждали ответа Аль-Муалима.

– Можете передать султану, что я отвергаю это требование.

Шихаб пожал плечами. Он снова нагнулся и что-то сказал посланнику, который прокричал:

– Его превосходительство желает довести до вашего сведения: если вы не согласитесь удовлетворить требование султана, наша армия останется в Масиафе. Наше терпение превосходит запасы вашего продовольствия. Неужели вы так легко готовы отказаться от мирного соглашения? Неужели вы позволите обречь своих соратников и мирных жителей на голодную смерть? И все это – ради головы одного ассасина? Его превосходительство искренне надеется, что здравый смысл возобладает.

– Я пойду, – прошептал Умар. – Я допустил ошибку, мне за нее и расплачиваться.

Аль-Муалим пропустил его слова мимо ушей.

– Мои люди – не жертвенные бараны! – крикнул он посланнику.

– Его превосходительство сожалеет о вашем решении и просит быть свидетелем в деле, требующем завершения. У себя в лагере мы обнаружили вашего шпиона, который сейчас будет казнен.

Аль-Муалим затаил дыхание. Отдернув занавеску паланкина, сарацины выволокли оттуда шпиона ассасинов. Следом двое нубийцев вытащили плаху, поставив ее рядом с конем Шихаба.

Шпиона звали Ахмад. Он был сильно избит. Его голова – вся в ссадинах, синяках и кровоподтеках – свешивалась на грудь. Нубийцы подтащили Ахмада к плахе. Палач-турок поудобнее взял обеими руками эфес кривой сабли, усыпанный драгоценными камнями. Двое нубийцев держали приговоренного за руки – его негромкий стон слышали ошеломленные ассасины, собравшиеся на башне.

– Пусть убийца нашего военачальника спустится вниз. Тогда мы пощадим вашего шпиона и мирное соглашение останется в силе, – крикнул посланник. – Если убийца не объявится, мы казним шпиона, а потом возобновим осаду и обречем вас на голод.

Неожиданно для всех Шихаб возвысил голос и крикнул:

– Его смерть будет на твоей совести, Умар ибн Ла-Ахад!

Ассасины снова затаили дыхание. Ахмад назвал врагам имя Умара. Разумеется, под пытками. Но все же он проговорился.

Аль-Муалим понурил плечи.

– Отпусти меня, – прошептал Умар. – Наставник, умоляю.

А внизу палач уже расставил ноги, встав поудобнее. Потом занес саблю над головой Ахмада – тот вяло сопротивлялся, однако нубийцы крепко его держали. Шея шпиона была открыта для рокового удара. В наступившей тишине слышались лишь слабые стоны Ахмада.

– Ассасин Умар, это твой последний шанс, – крикнул Шихаб.

Лезвие сабли сверкнуло на солнце.

– Наставник, – взмолился Умар, – позволь мне спуститься.

Аль-Муалим кивнул.

– Постойте! – крикнул Умар. Он ступил на деревянный настил открытой бойницы. – Я – Умар ибн Ла-Ахад. Это меня надлежит казнить.

Сарацины взволнованно зашептались. Шихаб улыбнулся и кивнул. Он подал знак палачу. Тот опустил саблю.

– Что ж, – сказал он Умару, – занимай свое место у плахи.

Умар повернулся к Аль-Муалиму, заглянув в его воспаленные глаза:

– Наставник, я прошу выполнить мою последнюю просьбу. Позаботься об Альтаире. Возьми его к себе в ученики.

– Конечно, Умар, – ответил Аль-Муалим. – Можешь быть спокоен.

В полной тишине Умар торопливо спустился вниз, затем сбежал по холму, миновал барбакан и остановился у главных ворот. Караульный открыл ему узкую, низенькую дверцу. Чтобы пройти сквозь нее, Умар был вынужден пригнуться.

– Отец! – раздался топот маленьких ног.

Умар остановился.

– Отец!

В голосе сына было столько отчаяния, что Умар зажмурился, не давая пролиться слезам. Не оборачиваясь, он торопливо пролез через дверцу, которая тут же закрылась за ним.

Нубийцы оттащили Ахмада от плахи. Умар хотел подбодрить его взглядом, но предатель не решился посмотреть собрату в глаза. Его доволокли до ворот, где вновь открылась дверца. Умар хотел подойти к плахе сам, однако все нубийцы схватили его, подтащили к месту казни и положили на место Ахмада. Над ассасином возвышался палач, а за его плечами – бескрайнее небо.

– Отец! – донеслось из цитадели, и в ту же секунду сверкающее лезвие кривой сабли упало вниз.

Через два дня, под покровом темноты, Ахмад покинул крепость. Наутро, обнаружив его исчезновение, многие были обескуражены. Пару лет назад жена Ахмада умерла от лихорадки, и теперь его сынишка оставался круглым сиротой. Кто-то утверждал, что Ахмад не выдержал позора и был вынужден уйти.

Правда же была совершенно иной.

4

Утром меня разбудил Маттео, причем не особо деликатно. Однако его грубость была обусловлена интересом к моей истории. Хотя бы за это я должен быть ему благодарен.

– А дальше? – спросил брат.

– Ты о чем? – сонно спросил я, не сразу понимая, о чем идет речь.

– Что стало с Ахмадом?

– Об этом, брат, я узнал не сразу.

– Так расскажи.

Я сел на постели и, немного подумав, ответил брату:

– Думаю, будет лучше, если я стану пересказывать тебе истории Альтаира в той последовательности, в какой слышал их сам. Невзирая на почтенный возраст, Альтаир – непревзойденный рассказчик. Потому я и намерен придерживаться хронологии его повествований. То, что я рассказал тебе вчера, он рассказал мне в самую первую нашу с ним встречу. События, которые произошли, когда ему было одиннадцать лет от роду.

– Любой ребенок был бы шокирован увиденным, – сказал Маттео. – А что его мать?

– Умерла при родах.

– Значит, в свои одиннадцать лет Альтаир остался круглым сиротой?

– Увы, да.

– И что с ним стало?

– Ты и сам знаешь. Сидит у себя в башне и…

– Нет, что с ним стало потом?

– Здесь, брат, тебе тоже придется проявить терпение. В нашу следующую встречу Альтаир перенесся во времени на пятнадцать лет вперед. В день, когда он тайком пробирался по сырым и темным катакомбам под Иерусалимом…

На дворе стоял 1191 год. Три с лишним года назад Салах ад-Дин и его сарацины захватили Иерусалим. Христиан это заставило скрежетать зубами, топать ногами и обкладывать свои народы новыми податями для сбора денег на Третий крестовый поход. И вновь люди в кольчугах явились на Святую землю и осадили ее города.

Английский король Ричард I, прозванный Львиным Сердцем, был в одинаковой степени храбр и жесток. Совсем недавно он отбил у сарацинов Акру, однако величайшим желанием короля оставался захват великого города Иерусалима и его самого священного места – Храмовой горы с развалинами храма Соломона. Именно туда сейчас пробирались по катакомбам Альтаир, Малик и Кадар.

Они двигались быстро и бесшумно, прижимаясь к стенам туннелей. Их мягкие сапоги почти не оставляли следов на песке. Альтаир шел впереди, Малик и Кадар отставали от него на несколько шагов. Все трое всматривались и вслушивались в окружающее пространство. Чем ближе подходили они к Храмовой горе, тем быстрее бились их сердца. Катакомбы эти существовали уже тысячи лет и, естественно, сильно обветшали. Деревянные опоры во многих местах сгнили, отчего на головы ассасинов часто сыпался песок вперемешку с пылью. Вода, также сочившаяся сверху, делала влажным песок под ногами. В воздухе удушливо пахло серой от редких светильников, пропитанных битумом.

Альтаир первым услышал голос священника. Ничего удивительного: он был лидером, Наставником ассасинов, лучше владел необходимыми навыками и имел более острое чутье. Альтаир остановился, прикоснулся к уху и поднял руку вверх. Все трое замерли, словно статуи. Когда Альтаир обернулся, то увидел, что Малик и Кадар молча ждут его распоряжений. Глаза Кадара сверкали, но глаза его брата оставались суровыми и настороженными.

Все трое затаили дыхание. Альтаир внимательно вслушивался в бормотание священника.

Лживая христианская набожность тамплиеров.

Еще через мгновение Альтаир взмахнул кистью руки, чтобы выдвинуть скрытый клинок. Рука ощутила знакомое напряжение спускового механизма, кольцо которого было надето на мизинец. Лезвие и механизм содержались Альтаиром в идеальном порядке, чтобы срабатывание пружины было почти бесшумным. Но для гарантии он решил подгадать под стук капель.

Кап… кап… щелк!

Альтаир выбросил руки вперед. В дрожащем свете факела блеснуло лезвие клинка, прикрепленное к наручу на левой руке. Оно жаждало крови.

Альтаир вновь бесшумно двинулся вперед, прижимаясь к стене туннеля, который в этом месте слегка поворачивал. За поворотом Альтаир увидел священника, стоявшего на коленях. Он был одет, как тамплиер, а это означало, что где-то поблизости есть и другие тамплиеры. Возможно, рыщут в развалинах храма в поисках сокровища.

Сердце Альтаира забилось быстрее. Увиденное подтверждало его предположения. То, что Иерусалим находился под властью Салаха ад-Дина, совсем не мешало людям с красными крестами на плащах. Им тоже что-то понадобилось на Храмовой горе. Что именно? Альтаир собирался это выяснить, но вначале…

Вначале нужно «позаботиться» о священнике.

Пригнувшись почти к самому полу, Альтаир подкрался к молящемуся. Тот и не подозревал, что смерть – совсем рядом. Альтаир перенес тяжесть тела на выставленную вперед правую ногу, слегка согнув ее в колене. Он занес руку, готовясь нанести удар…

– Стой! – шепотом окликнул его Малик. – Можно ведь и по-другому… Ему незачем умирать.

Альтаир даже не обернулся. Быстрым движением он схватил священника за плечо правой рукой, а левой ударил его в основание шеи. Лезвие вошло между черепом и шейными позвонками, раскрошив несколько из них.

Священник не успел даже вскрикнуть. Смерть наступила почти мгновенно. Почти. Его тело продолжало дергаться в предсмертных судорогах, но Альтаир крепко держал его, приложив палец к сонной артерии и чувствуя, как жизнь уходит из его жертвы. Наконец тело священника обмякло, и Альтаир разжал пальцы – убитый повалился на пол. Песок жадно впитывал вытекавшую кровь.

Все произошло быстро и бесшумно. Убирая лезвие клинка, Альтаир заметил, что Малик смотрит на него с укором. Ассасин подавил в себе желание еще раз напомнить соратнику о его слабости. Младший брат Малика продолжал смотреть на убитого священника с удивлением и даже благоговением перед искусством Альтаира.

– Превосходное убийство, – выдохнул Кадар. – Удача сопутствует твоему клинку.

– Не удача, а мастерство, – хвастливо возразил Альтаир. – Внимательно следи за моими движениями. Может, и сам чему-нибудь научишься.

Произнося эти слова, Альтаир заметил огонь, вспыхнувший в глазах Малика. «Завидует почтению, с каким относится ко мне Кадар», – подумал Альтаир.

Как он и ожидал, Малик повернулся к брату.

– Он тебя научит… пренебрегать всем, чему учил нас Наставник.

– А как бы ты сделал это? – уже не скрывая насмешки, спросил Альтаир.

– Я бы скрывался у всех на виду и не позволил бы своему клинку поразить невиновного.

Альтаир вздохнул:

– Важно не то, каким образом мы выполним задание. Главное – чтобы оно было выполнено.

– Но не таким же способом… – начал было Малик.

Альтаир уперся в него взглядом:

– Мой способ лучше.

Несколько секунд оба сердито смотрели друг на друга. Даже при тусклом свете факела, едва разгонявшего тьму в этом сыром и вонючем подземелье, Альтаир видел в глазах Малика открытое неповиновение и презрение. Впредь надо держать ухо востро с этим Маликом. Похоже, рядом с ним, Альтаиром, затаился враг, выжидающий удобного момента.

Но если Малик и собирался оспорить старшинство Альтаира, он понимал, что иерусалимские катакомбы – не лучшее место для выяснения отношений.

– Я пойду вперед и разведаю, что к чему, – заявил Малик. – Постарайся больше не позорить нашу честь.

Сказанное было не только дерзостью, но и неподчинением. Принятие решений Наставник возложил на Альтаира. Малика нужно наказать за нарушение дисциплины, но это можно отложить до их возвращения. Альтаир молча смотрел, как Малик двинулся в сторону развалин и растаял во тьме.

Кадар тоже посмотрел вслед брату и, когда тот отошел на достаточное расстояние, спросил у Альтаира:

– А в чем состоит наше задание? Брат мне ничего не рассказывал. Только бросил вскользь, что я должен гордиться своим участием в этом деле.

Альтаир отметил про себя энтузиазм, с которым молодчик произнес эти слова.

– Наставник считает, будто тамплиеры сумели что-то разыскать под развалинами храма.

– Сокровища? – выпалил Кадар.

– Не знаю. Главное, что для Наставника это важно, иначе он не отправил бы меня на это задание.

Кадар кивнул. Альтаир махнул ему рукой, и тот нырнул в темноту вслед за братом. Ассасин остался один. Он оглянулся на тело убитого священника. Кровь, впитавшаяся в песок, образовала вокруг головы подобие нимба. Может, Малик был прав: существовали иные способы убрать священника с их пути, не лишая его жизни. Но Альтаир его убил, потому что…

Потому что мог.

Потому что был Альтаиром ибн Ла-Ахадом, сыном ассасина. Самым искусным в их ордене. Наставником.

Альтаир двинулся дальше. Он огибал ямы, из которых поднимался туман, затем легко прыгнул на первую поперечную балку, легко приземлился и по-кошачьи припал к ней. Дыхание его оставалось таким же ровным и спокойным. Он наслаждался своей силой и проворством.

Перепрыгивая с балки на балку, Альтаир добрался до места, где его ожидали Малик и Кадар. Даже не глянув на них, он пробежал мимо, едва касаясь ногами песка и оставаясь беззвучным, как всегда. Впереди показалась высокая лестница. Альтаир взбежал на нее и так же бесшумно стал подниматься по ступенькам. Наверху лестницы он замедлил шаги и остановился, вслушиваясь и принюхиваясь.

Затем, очень медленно, Альтаир высунул голову и осмотрел помещение, в котором оказался. Внутри спиной к нему стоял единственный караульный, одетый, как и все тамплиерские воины: многослойная стеганка, облегающие панталоны, кольчуга. На поясе у стражника висел меч. Альтаир, затаившись,

наблюдал за караульным, изучая его осанку и наклон плеч. Чувствовалось, караульный устал и утратил бдительность. Утихомирить такого будет просто.

Альтаир припал к полу, выравнивая дыхание и продолжая внимательно наблюдать за тамплиером. Потом подкрался к караульному, выпрямился и поднял руки: левую – для удара, правую – чтобы зажать жертве рот.

Легкое движение кистью, и лезвие скрытого клинка послушно выскользнуло наружу. Альтаир прыгнул на караульного – на мгновение оба замерли в смертельном объятии. Приглушенный предсмертный крик жертвы щекотал пальцы убийцы. Вскоре тело тамплиера обмякло. Альтаир опустил его на землю и нагнулся, чтобы закрыть убитому глаза. «Я жестоко наказал его за небрежное несение службы», – мрачно подумал Альтаир. Вскоре к нему неслышно присоединились Малик и Кадар.

Они прошли под скверно охранявшейся аркой и очутились на верхнем ярусе просторного помещения. На мгновение Альтаира охватило непонятное благоговение перед этим местом. Ведь он находился в развалинах легендарного храма Соломона. Если верить древним летописям, он был построен царем Соломоном в 960 году до Рождества Христова. Если Альтаир не ошибся, сейчас они находились в святилище храма. В древних повествованиях говорилось, будто стены святилища были отделаны кедром и украшены резными фигурами херувимов, изображениями пальм и раскрывшихся цветков с золотым тиснением. Однако нынешнее состояние храма являло собой лишь бледную тень прежнего великолепия и величия. Не было ни херувимов, ни пальм, ни золотого тиснения. Куда все это ушло – Альтаир мог только гадать, хотя он почти не сомневался, что в разграблении храма так или иначе были замешаны тамплиеры. Но даже лишенное былого великолепия святилище вызывало благоговение. Вопреки себе, Альтаир чувствовал, что зачарован увиденным.

Еще более зачарованными были его спутники.

– Там, наверное, находится Ковчег, – сказал Малик, указывая на другой конец зала.

– Ковчег Завета, – дрожащим голосом произнес Кадар, вглядываясь в сумрак.

Альтаир, обернувшись, презрительно посмотрел на своих спутников. Теперь они напоминали ему глупых торговцев, ослепленных позолоченными побрякушками. Какой еще Ковчег Завета?

– Не говорите глупостей, – отчитал он братьев. – Нет никакого Ковчега Завета. Это просто сказка.

Однако, приглядевшись, он уже и сам не был столь уверен в своих словах. Ящик, стоявший в конце зала, по всем приметам напоминал предмет, о котором говорили пророки. Снаружи он был целиком окован золотом. Крышку украшали изображения херувимов. Имелись и кольца, куда вдевались палки для переноски. Но было еще что-то. От ящика будто исходило свечение…

Усилием воли Альтаир оторвал взгляд от странной вещицы и перевел его на людей, собравшихся на нижнем ярусе. Их сапоги скрипели там, где некогда были наборные полы из дерева хвойных пород, а сейчас не осталось ничего, кроме голого камня. Тамплиеры. Их лидер вовсю отдавал распоряжения.

– Я требую, чтобы до восхода солнца эту вещь вынесли за городские ворота, – говорил он, явно имея в виду Ковчег. – Чем раньше она окажется в нашем владении, тем раньше мы займемся стаей шакалов, засевших в Масиафе.

Человек говорил с французским акцентом. Он расхаживал взад-вперед, и когда оказался в пятне света, ассасины увидели на нем плащ великого магистра ордена тамплиеров.

– Робер де Сабле, – прошептал Альтаир. – Его жизнь принадлежит мне.

– Нет! – сердито возразил Малик. – Нам велели забрать сокровище, а в стычку с Робером вступать только при необходимости.

Альтаир, которому надоели бесконечные возражения Малика, не выдержал:

– Он стоит между нами и сокровищем. Вот тебе и необходимость.

– Альтаир, помни об осмотрительности, – не унимался Малик.

– Красивое слово ты выбрал, чтобы замаскировать трусость. Этот человек – злейший враг нашего братства. Нам выпал шанс избавиться от него.

– Ты уже нарушил два правила нашего Кредо, – гнул свое Малик. – Сейчас ты готов нарушить и третье: «Никогда не подставляй под удар братство».

– Здесь старший я, – отчеканил Альтаир. – По положению и по навыкам. Не тебе сомневаться в моих решениях.

Сказав это, он торопливо спустился по первой лестнице на нижний балкон, а оттуда спрыгнул на пол и уверенным шагом направился к рыцарям-тамплиерам.

Когда он приблизился, те повернулись. Их пальцы застыли на эфесах мечей. На лицах было написано изумление. Альтаир сознавал, что они следили за ним, видели, как он неслышно скользит по полу. Его лицо было скрыто под глубоким капюшоном. Полы плаща развевались от быстрой ходьбы, а концы красного кушака плясали, как языки пламени. Меч у пояса и эфесы коротких мечей, видневшиеся из-за правого плеча, довершали его грозный облик. Альтаир представлял, какой страх вызывало у тамплиеров его появление.

Он тоже следил за ними, мысленно оценивая каждого, пытаясь понять, кто из них сражается правой рукой, а кто – левой; у кого главным качеством является скорость, а у кого – сила. Но основное внимание Альтаира было обращено на их магистра.

Робер де Сабле отличался внушительными размерами и силой. Его голова была обрита наголо, а изрезанное морщинами лицо говорило о многолетнем опыте. Об этом человеке – неустрашимом рыцаре, непревзойденном воине, отличавшемся жестокостью и беспощадностью, – ходили легенды. Альтаир же знал одно: Робер – наиболее опасный враг ассасинов и потому должен быть уничтожен в первую очередь.

Ассасин слышал, как Малик и Кадар спустились вниз, и обернулся, бросив на них мимолетный взгляд. Кадару было явно не по себе. Он то и дело сглатывал. Глаза Малика недовольно сверкали. Тамплиеры еще больше напряглись, увидев, что Альтаир явился сюда не один. Численно противники почти сравнялись. Четверо соратников де Сабле окружили его со всех сторон. В воздухе остро запахло тревожным ожиданием и страхом.

– Стойте, тамплиеры, – крикнул Альтаир, подойдя достаточно близко к пятерым рыцарям.

Его слова были обращены к де Сабле. Тот стоял с легкой улыбкой на губах, спокойно опустив руки. В отличие от четверых соратников, он держался так, словно и не думал сражаться, а присутствие троих ассасинов воспринимал как нечто малозначительное. «Ты у меня заплатишь за свое высокомерие», – подумал Альтаир, добавив вслух:

– Дела в этом месте есть не только у вас.

Альтаир и Робер оценивали друг друга. Ассасин шевельнул правой рукой, будто собирался схватиться за меч на поясе, отвлекая внимание великого магистра. Пусть де Сабле думает, что его противник будет сражаться правой, тогда как смерть самонадеянный француз получит от левой руки ассасина. Выбранный маневр казался Альтаиру самым удачным. Ложное движение правой и затем – смертельный удар левой. Стоит убить Робера де Сабле, и остальные тамплиеры разбегутся, оставив сокровище ассасинам. Все будут говорить о великой победе Альтаира над главой тамплиеров. Этот трус Малик будет посрамлен и не посмеет рта раскрыть. Кадар вновь проникнется к Альтаиру восхищенным почтением. По возвращении в Масиаф братство устроит ему чествование. Естественно, только ему одному. Сам Аль-Муалим поздравит его с победой. Положение Альтаира в братстве еще более укрепится, и все поймут, что следующим Наставником может быть только он.

Альтаир бесстрашно глядел в глаза своего противника. Едва заметно шевельнув рукой, он проверил механизм скрытого клинка. Альтаир был готов к поединку.

– И чего же ты хочешь? – спросил де Сабле, продолжая беспечно улыбаться.

– Крови, – не раздумывая, ответил Альтаир и бросился на тамплиера.

С нечеловеческой скоростью он прыгнул на Робера, одновременно выдвинув лезвие клинка. Правой рукой он сделал обманное движение, а левой нанес настоящий удар – быстрый и смертельный, как бросок кобры… Во всяком случае, так ему казалось.

Однако великий магистр тамплиеров оказался проворнее и смекалистее, чем предполагал Альтаир. Робер с удивительной легкостью перехватил удар. Ассасин остановился как вкопанный. Его охватил ужас. Он вдруг ощутил свою беспомощность.

И в тот же момент Альтаир понял, что допустил серьезную ошибку. Роковую ошибку. Нет, это не Робер вел себя самонадеянно, а он сам. Альтаир вдруг перестал ощущать себя Наставником ассасинов, непревзойденным в своих навыках. Теперь он чувствовал себя младенцем. Что еще хуже, хвастливым младенцем.

Альтаир дернулся и сделал новое печальное открытие: он не мог пошевелиться. Между тем Робер удерживал его без особых усилий. Альтаир понял, что Малик и Кадар стали свидетелями его позора, и его обдало волной жгучего стыда. Рука Робера сжала ему горло. Альтаиру стало трудно дышать. Великий магистр притянул его к себе. На лбу де Сабле подрагивала жилка.

– Ассасин, ты понятия не имеешь, во что вмешиваешься. Я сохраняю тебе жизнь лишь затем, чтобы ты вернулся к своему Наставнику и передал мои слова: Святая земля потеряна для него и его собратьев. Пусть убирается немедленно, пока еще есть возможность. А если останетесь – то все вы умрете.

Альтаир давился слюной. Окружающий мир поплыл перед его глазами. Робер легко поднял его на руки, словно новорожденного младенца, и швырнул к задней стене. Альтаир пробил древнюю каменную кладку и вылетел в другое помещение. Там он лежал, не в силах подняться, и только слушал звуки падающих балок и колонн. Подняв голову, он увидел, что путь в храм для него отрезан.

Он расслышал крики, раздававшиеся по ту сторону завала.

– Тамплиеры! К оружию! Убейте ассасинов! – приказывал своим де Сабле.

Альтаир кое-как поднялся и бросился к завалу, рассчитывая найти проход. Беспомощный, охваченный стыдом, он слышал крики Малика и Кадара. Предсмертные крики. Опустив голову, Альтаир начал выбираться наружу. Ему предстоял обратный путь в Масиаф, где Наставник ждал от него вестей.

Вестей о том, что он провалил задание. Что он, великий Альтаир, навлек позор на себя и весь орден ассасинов.

Когда он выбрался из катакомб под Храмовой горой, ярко светило солнце. Иерусалим бурлил жизнью. Но Альтаир еще никогда не чувствовал себя таким одиноким.

5

Путь до Масиафа занял пять дней. Альтаир ехал почти без остановок, не щадя ни себя, ни лошадь. У него было более чем достаточно времени на раздумья о своем провале. С неимоверной тяжестью на сердце он подъехал к внешней стене Масиафа. Караульные открыли ворота, впустив его.

Возле конюшен Альтаир спешился, чувствуя, как оживают одеревеневшие мышцы. Отдав поводья мальчишке-конюху, он ненадолго задержался у колодца. Поначалу он пил воду маленькими глотками, потом залпом и наконец умыл лицо, с удовольствием оттирая дорожную пыль. Однако его тело и одежда по-прежнему оставались грязными и потными. Ему не терпелось вымыться в сверкающих водах реки Масиаф, скрытых в нише скалы. Альтаир как никогда жаждал уединения.

Он шел по окраине селения. Его взор был прикован к крепости ассасинов, где его собратья жили и обучались под началом Аль-Муалима. Сам Наставник жил в одной из центральных башен цитадели, построенных в византийском стиле. Его часто видели стоящим у окна, погруженным в раздумья. Наверное, он и сейчас стоял и смотрел на деревню, где под ярким солнцем кипела повседневная жизнь. Здесь все было как и десять дней назад, когда Альтаир отправлялся в Иерусалим вместе с Маликом и Кадаром, намереваясь вернуться героем-триумфатором.

Никогда прежде – даже в самых кошмарных снах – Альтаир не допускал мысли о поражении. И все же…

На рыночной площади, покрытой мозаикой солнечных пятен и теней, его окликнули. Альтаир отогнал тягостные мысли, расправил плечи, поднял голову и постарался вернуть себе облик великого ассасина, каким он был, покидая Масиаф. Нельзя, чтобы в нем увидели глупца, вернувшегося с пустыми руками.

Это был Рауф, отчего Альтаиру стало еще тошнее, хотя он искренне думал, что тошнее уже некуда. И почему первым, кто увидел его после возвращения, был именно паренек, боготворивший Альтаира? По-видимому, он ждал возвращения своего кумира, толкаясь возле бортика фонтана. Увидев Альтаира, Рауф бросился к нему с горящими от восторга глазами. Ореол проигравшего, похоже, был виден лишь самому Альтаиру.

– Альтаир, ты вернулся! – Рауф сиял от счастья, словно щенок при виде хозяина.

Альтаир медленно кивнул. У Рауфа за спиной пожилой торговец пил воду из фонтана. Мимо проходила женщина, неся вазу, украшенную изображением газелей. Поставив вазу на бортик, женщина о чем-то заговорила с торговцем, оживленно жестикулируя. Альтаир завидовал им. Завидовал им обоим.

– Рад видеть тебя целым и невредимым, – продолжал Рауф. – Полный успех, правда?

Альтаир не ответил, чувствуя, что ему трудно смотреть парню в глаза. Не сводя взгляда с беседующих у фонтана, он поинтересовался:

– Наставник у себя?

– Да, конечно. – Парень сощурился, словно почувствовав какой-то подвох. – Как всегда, сидит, зарывшись в книги. Он наверняка тебя ждет.

– Спасибо, брат.

Альтаир двинулся дальше. Он шел по мощеной рыночной площади, минуя лотки под навесами, телеги с сеном, скамейки. Вскоре каменную мостовую сменила сухая пыльная дорога, которая круто поднималась вверх по склону, поросшему обожженной солнцем травой, к замку.

Никогда еще Альтаир так остро не ощущал свое ничтожество в тени величественных камней. Незаметно для самого себя он сжал кулаки, пересекая плато. У входа в цитадель Альтаира приветствовали караульные. Пальцы на эфесах мечей, глаза внимательные и настороженные.

Альтаир подошел к большой арке, ведущей к барбакану. И там у него снова сжалось сердце, когда он увидел знакомую фигуру. Это был Аббас.

Аббас стоял под единственным факелом, разгонявшим легкий сумрак внутри арки. Его спина упиралась в грубую каменную кладку. Плаща на нем не было, рука покоилась на эфесе меча. Альтаир остановился. Местные жители, сновавшие вокруг, и не догадывались о давней вражде, вновь вспыхнувшей между двумя ассасинами. Когда-то они называли друг друга братьями. Но то время давно прошло.

– Ну наконец-то… Вернулся! – насмешливо улыбнулся Аббас, многозначительно поглядывая Альтаиру за спину. – Но где же остальные? Или ты несся сюда во весь опор, чтобы оказаться первым? Я же знаю, как ты не любишь делиться славой.

Альтаир молчал.

– Молчание – знак согласия. – Аббас продолжал дразнить Альтаира со всей изощренностью молодсти.

– Тебе больше нечем заняться? – вздохнул Альтаир.

– Я ждал тебя, чтобы передать распоряжение Наставника. Он в библиотеке, – сказал Аббас, пропуская Альтаира вперед. – Торопись. Тебе же явно не терпится облобызать его ноги.

– Еще одно слово, и я облобызаю кинжалом твое горло.

– Ты всегда успеешь это сделать… брат.

Альтаир прибавил шагу. Пройдя через двор и площадку для упражнений, он остановился перед входом в башню Аль-Муалима. Караульные склонили головы,

выражая надлежащее почтение к старшему ассасину. Альтаир ответил кивком, зная, что очень скоро, едва только весть о его провале разнесется по Масиафу, это почтение отойдет в область воспоминаний.

Но вначале он должен сообщить Аль-Муалиму ужасное известие. Он поднялся в покои Наставника. Внутри было тепло. В воздухе ощущался знакомый сладкий запах благовоний. В лучах солнца, льющихся из открытых ставен, кружились пылинки. Аль-Муалим стоял возле окна, заложив руки за спину. Его хозяин. Его учитель. Человек, которого Альтаир почитал превыше всех.

Человек, которого он подвел.

В углу стояла клетка с почтовыми голубями Наставника. Оттуда доносилось негромкое воркование. Наставника окружали книги и рукописи, вобравшие в себя тысячелетия мудрости и знаний ассасинов. Все это стояло и лежало на полках или громоздилось пыльными грудами. Наставник любил пышные одеяния. Его седые волосы разметались по плечам. Лицо, как всегда, было задумчивым.

– Наставник, – произнес Альтаир, нарушив тягостную тишину, и опустил голову.

Аль-Муалим молча повернулся и прошел к письменному столу, пространство под которым было плотно завалено свитками. Затем он резко поднял голову и пронзил ассасина единственным видящим глазом. Рот Наставника утопал в седой бороде. Наставник не выдавал чувств, им владевших, пока не заговорил, подзывая к себе ученика:

– Подойди. Расскажешь мне о выполненном задании. Надеюсь, ты добыл сокровище…

У Альтаира по лбу потекла струйка пота.

– Наставник, все оказалось… не так просто. Робер де Сабле был там не один.

– А когда наши замыслы исполнялись так, как мы ожидали? – отмахнулся Аль-Муалим. – Мы умеем применяться к любым обстоятельствам, что и делает нас теми, кто мы есть.

– На этот раз нашего умения оказалось мало.

Несколько секунд Аль-Муалим переваривал услышанное. Он встал из-за стола, а когда заговорил снова, в его голосе зазвенел металл.

– Что ты имеешь в виду?

– Я подвел тебя.

– А сокровище?

– Потеряно для нас.

Атмосфера в кабинете Наставника резко изменилась. Альтаиру показалось, что воздух потрескивает от напряжения.

– А Робер? – спросил Наставник.

– Бежал.

Каждое слово падало, как камень, брошенный в темный колодец.

Аль-Муалим приблизился к Альтаиру. Единственный глаз сверкал от гнева. Наставник едва сдерживался. Ярость, владевшая им, заполняла все пространство комнаты.

– Я посылаю тебя – лучшего из моих ассасинов – для выполнения важнейшего поручения. Настолько важного, что его невозможно сравнить ни с одним из твоих прошлых заданий. А ты возвращаешься… с пустыми руками? С извинениями и оправданиями?

– Я сделал…

– Молчи! – Голос Наставника хлестал, как прут. – Ни слова больше! Я ожидал совсем не таких вестей. Теперь нам придется собирать новый отряд…

– Клянусь тебе, я его обязательно найду. Я пойду и… – начал было Альтаир, которому не терпелось вновь повстречаться с де Сабле.

Исход их новой встречи будет совсем иным.

Аль-Муалим огляделся по сторонам, словно лишь сейчас вспомнив, что отправлял Альтаира не одного, а с двумя спутниками.

– Где Малик и Кадар? – резко спросил Наставник.

Новая струйка пота потекла по виску Альтаира.

– Мертвы.

– Нет, – послышалось сзади. – Не мертвы.

Аль-Муалим и Альтаир обернулись на голос и увидели призрака.

6

В дверях кабинета, пошатываясь, стоял Малик: раненый, изможденный, перемазанный кровью. Трудно было поверить, что из Масиафа он выезжал в белоснежном одеянии, здоровый и полный сил. Судя по всему, его серьезно ранили в левую руку, и теперь она висела плетью, покрытая толстой коркой почерневшей, запекшейся крови.

Едва Малик сделал несколько шагов, раненое плечо начало кровоточить. Он прихрамывал. Но если его тело было покалечено, то дух не был сломлен. Его глаза пылали гневом и ненавистью к Альтаиру. И ассасину едва хватило сил выдержать этот взгляд.

– По крайней мере, я еще жив, – прорычал Малик.

Его налитые кровью глаза продолжали буравить Альтаира. Малик шумно и резко втянул в себя воздух, оскалив зубы. Они тоже были в крови.

– А твой брат? – спросил Аль-Муалим.

– Убит, – коротко ответил Малик, качнув головой.

На мгновение его взгляд уперся в каменный пол, но сейчас же Малика захлестнуло новой волной гнева, и это придало ему сил. Он вскинул голову, сощурился и дрожащим пальцем указал на Альтаира:

– Из-за тебя.

– Робер вышвырнул меня из зала. – Это оправдание было жалким даже для ушей самого Альтаира. Особенно для его ушей. – Путь назад был отрезан. Я ничего не мог сделать…

– Потому что не желал прислушиваться к моим предостережениям! – хриплым голосом выкрикнул Малик. – Всего случившегося можно было избежать. И мой брат… мой брат сейчас был бы жив. Твоя самонадеянность едва не стоила нам победы.

– Едва? – осторожно переспросил Аль-Муалим.

Успокоившись немного, Малик кивнул. На его губах мелькнула улыбка, адресованная Альтаиру. В библиотеку вошел еще один ассасин с позолоченным подносом, на котором стояла шкатулка.

– Я принес то, что твой любимец не сумел добыть, – сказал Наставнику Малик.

Ему было трудно говорить. Он был очень слаб. Но но ничто не могло помешать ему насладиться победой над Альтаиром.

Ла-Ахаду же казалось, что его привычный мир распадается по кускам. Ассасин поставил поднос на стол Аль-Муалима. Ларец на нем покрывали древние письмена, а сам он будто светился. Внутри наверняка лежало сокровище. Иначе и быть не могло. Сокровище, которое Альтаир не сумел отыскать.

Единственный глаз Аль-Муалима сиял от изумления. Наставник открыл рот и даже высунул кончик языка. Он был зачарован видом ларца и мыслями о его содержимом. И вдруг снаружи послышался шум. Крики. Топот. И… звон оружия.

– Кажется, я вернулся не только с сокровищем, – задумчиво произнес Малик.

В библиотеку ворвался караульный.

– Наставник, на нас напали! – выдохнул он, забыв об этикете. – Робер де Сабле осаждает деревню.

Аль-Муалим очнулся от наваждения, охватившего его при виде шкатулки. Он жаждал встретиться с тамплиером лицом к лицу.

– Значит, де Сабле ищет битвы? Прекрасно. Я не откажу ему в этом удовольствии. Беги и оповести других. Нужно подготовить крепость.

Затем Аль-Муалим повернулся к Альтаиру и, сверкнув глазами, сказал:

– Наш с тобой разговор подождет. Отправляйся в деревню. Уничтожай захватчиков. Гони их вон из нашего дома.

– Будет исполнено, – с облегчением ответил ассасин.

Биться с тамплиерами за деревню было предпочтительнее новых порций унижения. Он опозорился в Иерусалиме. Сейчас судьба давала ему шанс все исправить.

Альтаир выскочил из библиотеки и стремглав понесся вниз. Пересек площадку для упражнений и побежал к главным воротам. Может, гибель в бою избавит его от позора? Если его убьют, будет ли это достойной смертью? Гордой, благородной смертью? Оправданием за ошибки?

Альтаир выхватил из ножен меч. Звуки битвы становились все громче. Он уже видел сражающихся ассасинов и тамплиеров. Они бились на холме у подножия замка. Чуть ниже, напуганные атакой, жители деревни разбегались во все

стороны. Склоны холма были усеяны телами убитых.

Откуда ни возьмись на Альтаира с рычанием бросился тамплиер. Ассасин развернулся и, доверившись своим инстинктам, поднял меч, встречая удар христианина. Альтаир широко расставил ноги и будто прирос к земле, а потому натиск тамплиера не сдвинул его с места. Резким движением Альтаир отвел меч противника, используя тяжесть оружия против его владельца. Рука тамплиера дрогнула. Этого мгновения было достаточно, чтобы всадить меч крестоносцу в живот.

Видно, тамплиер рассчитывал на легкую победу, как в случае с деревенскими жителями, которых он убивал по пути сюда. Но он ошибся. Теперь меч торчал из его живота, кровь капала изо рта, а глаза округлились от боли и удивления. Альтаир рванул меч вверх и рассек противнику туловище. Тамплиер упал, и его кишки разметались по пыльной земле.

Никогда еще Альтаир не сражался с такой злобой, вкладывая в удары всю горечь своего иерусалимского поражения. Он бился так, словно кровь врагов могла искупить его вину. К ассасину подскочил второй крестоносец. Альтаир стал его теснить. Тот пытался сопротивляться, мгновенно переходя от наступления к обороне. Вскоре оборона стала отчаянной, и тамплиер заскулил, предчувствуя скорую гибель.

Альтаир сделал обманное движение, перекувырнулся и полоснул христианина по горлу. Хлынула кровь, окрасив одежду тамплиера под цвет креста на груди. Он рухнул сначала на колени, потом упал ничком. А к Альтаиру уже спешил новый противник, высоко подняв меч, лезвие которого ярко блестело на солнце. Альтаир уклонился от удара и вонзил свой меч в спину тамплиеру – оружие прошло насквозь. Тело крестоносца напряглось, а рот раскрылся в беззвучном крике. Альтаир опустил поверженного противника на землю, после чего выдернул меч.

Еще двое решили атаковать ассасина сообща, видимо рассчитывая на численное превосходство. Они не знали, с кем имеют дело, и не подозревали, какой гнев сейчас бурлил внутри Альтаира. Обычно он сражался, испытывая холодное безразличие. Но сегодня в нем пылал огонь – огонь воина, равнодушного к собственной жизни. Самого опасного воина на свете.

Тела беззащитных мирных жителей, убитых тамплиерами, подхлестывали его гнев. Еще двое нападавших познали смертельную точность его меча и теперь корчились в судорогах. Однако количество нападавших не убавлялось – наоборот, с каждой минутой их становилось все больше. Жители деревни и ассасины спешно бежали вверх по склону, когда Альтаир увидел Аббаса, призывавшего всех вернуться в замок.

– В атаку на крепость этих язычников! – кричал какой-то тамплиер в ответ на призывы Аббаса.

Он несся вверх по склону в сторону Альтаира, размахивая мечом, который вонзился в спасавшуюся бегством женщину.

– Проучим ассасинов раз и…

Меч Альтаира перерезал ему горло, и последнее слово захлебнулось в крови умирающего крестоносца.

Но тамплиеров становилось все больше и больше. Альтаир остановился, вновь размышляя о героической смерти…

В конечном итоге он решил, что такая гибель будет не почетной, а бессмысленной. Ассасин бросился вверх и достиг ворот, когда те уже закрывались. Обернувшись, он окинул взглядом деревню, где еще недавно бурлила жизнь. Теперь повсюду валялись тела ее жителей вперемешку с убитыми ассасинами и тамплиерами.

Вся одежда Альтаира была залита вражеской кровью, но сам он не получил даже царапины.

– Альтаир! – Пронзительный крик вывел его из раздумий. Снова Рауф. – Идем.

Ассасин вдруг почувствовал неимоверную усталость.

– Идем куда? – спросил он.

– Мы готовим подарочек для незваных гостей. Просто делай то же, что и я. Скоро поймешь…

Рауф указывал вверх, на парапеты крепости. Альтаир убрал меч в ножны и по лестницам поднялся на вершину башни, где собрались лидеры ассасинов, в том числе и Аль-Муалим. Его губы были плотно сжаты. Наставник словно не видел Альтаира. Рауф указал на один из трех деревянных балконов у открытых бойниц. Альтаир занял предложенное место. Набрав в легкие побольше воздуха, он осторожно подошел к краю.

Он оказался на самом верху Масиафа. Внизу расстилалась долина. Ветер ерошил ему волосы, играя полами плаща. В небе, равнодушные к делам людей, скользили птицы. Перед Альтаиром открылся головокружительный вид: цепи холмов, покрытых сочной зеленью, сверкающая гладь реки. Тела убитых, которыми были завалены подступы к крепости, отсюда казались песчинками.

И тамплиеры.

Вражеская армия заполнила возвышенность, остановившись почти у самых ворот крепости. Робер де Сабле вышел вперед. Запрокинув голову, он посмотрел на парапеты, где собрались ассасины, после чего обратился к Аль-Муалиму:

– Еретик! Верни то, что ты у меня украл.

Сокровище. Альтаир мгновенно вспомнил шкатулку на столе Аль-Муалима. Тогда ему показалось, что она светится изнутри…

– Робер, ты не вправе требовать от меня что-либо, – ответил Аль-Муалим, и его слова эхом разнеслись по долине. – Убирайся отсюда, иначе я буду вынужден снова уменьшить ряды твоих соратников.

– Ты ведешь опасную игру, – сказал де Сабле.

– Уверяю тебя: это не игра.

– Что ж, быть по сему, – заключил великий магистр ордена тамплиеров.

Что-то в тоне его голоса насторожило Альтаира. И действительно, повернувшись к одному из соратников, де Сабле приказал:

– Привести заложника.

Цепь тамплиеров расступилась. Двое солдат выволокли пленного ассасина. Он был связан по рукам и ногам, с кляпом во рту. Он корчился от боли, вызванной врезавшимися в тело веревками, пока солдаты грубо тащили его к де Сабле. Сдавленные крики несчастного донеслись до балкона, на котором стоял Альтаир.

Де Сабле равнодушно кивнул солдату, стоявшему поблизости. Тот схватил ассасина за волосы, запрокинул ему голову и полоснул кинжалом по горлу – тело пленника повалилось на траву.

Ассасины затаили дыхание, наблюдая за происходящим.

Де Сабле подошел к умирающему, сложив руки на груди, словно гладиатор, победивший в поединке, и сапогом придавил спину несчастного. Ассасины негодующе переговаривались. Де Сабле вновь обратился к Аль-Муалиму, не скрывая злорадства:

– Твоя деревня лежит в руинах, а твои припасы не безграничны. Пройдет не так уж много времени, и твоя крепость разрушится изнутри. Думаешь, твои люди сохранят дисциплину, когда колодцы пересохнут, а кладовые опустеют?

– Робер, ты не знаешь моих людей, – спокойно ответил Аль-Муалим. – Они не боятся смерти. Наоборот, приветствуют ее как награду за свои труды.

– Отлично! – крикнул де Сабле. – Тогда они будут щедро вознаграждены.

Увы, он был прав. Тамплиеры имели достаточно сил, чтобы осадить Масиаф и морить ассасинов голодом. Сколько времени пройдет, прежде чем они ослабнут настолько, что де Сабле легко завоюет их без потерь со своей стороны? Две недели? Месяц? Альтаиру оставалось надеяться, что у Аль-Муалима есть какой-то запасной вариант.

Рауф, стоявший на левом настиле, словно прочитал его мысли.

– Следуй за мной, – прошептал Рауф. – И без колебаний.

На балконе справа стоял еще один ассасин. Эти деревянные настилы находились вне поля зрения тамплиеров. Глянув вниз, Альтаир увидел стога сена, размещенные так, чтобы обезопасить приземление. Значит, им троим предстоит незаметно прыгнуть вниз. Но с какой целью?

Ветер прибивал плащ к коленям Альтаира. Звук был успокаивающим, похожим на шелест дождя. Альтаир опять посмотрел вниз, выравнивая дыхание. Главное – сосредоточиться.

Диалог де Сабле и Аль-Муалима продолжался, но Альтаир думал только о прыжке и не слышал их слов. Он закрыл глаза, ощущая внутри себя спокойствие и мир.

– Пора, – сказал Рауф и прыгнул. Следом за ним прыгнул еще один ассасин.

Теперь настала очередь Альтаира.

Он тоже прыгнул.

Время перестало существовать. Альтаир раскинул руки, расслабился и слегка изогнулся, падая вниз. Он знал, что достиг совершенства, словно тело осталось где-то в другом месте, а прыжок совершала его внутренняя сущность. Он приземлился в середину стога. Сено погасило удар. Рауф тоже приземлился успешно, а вот ассасину, прыгнувшему вторым, не повезло. Он сломал ногу и теперь кричал от боли. Рауф метнулся к нему и зажал рот. Чтобы замысел удался, крестоносцы должны поверить, что трое безумцев прыгнули и разбились насмерть.

– Я останусь здесь и позабочусь о нем, – повернувшись к Альтаиру, шепнул Рауф. – Ты пойдешь один. Заберешься наверх, обрежешь веревки, и на врагов обрушится смертоносный дождь.

Альтаир и сам уже разгадал замысел Наставника. Получается, ассасины без его ведома подготовили ловушку для тамплиеров. Сколько еще граней братства оставались скрытыми от него? Держась за веревки, Альтаир искусно перебрался через пропасть на уступ утеса за сторожевой башней. Целиком положившись на свои инстинкты, быстрый и гибкий, он поднимался все выше и выше, слушая, как ноют от напряжения мышцы рук. Наконец он достиг вершины башни. Там он увидел саму ловушку: тяжелые, густо смазанные жиром бревна. Они были уложены на наклонной площадке громадными связками.

Альтаир бесшумно подошел к краю и посмотрел вниз, на ровные ряды рыцарей-тамплиеров, стоявших к нему спиной. Каждую связку бревен удерживали свои веревки. Альтаир вынул меч и впервые за эти дни улыбнулся.

7

Чуть позже тем же днем ассасины собрались во внутреннем дворе крепости, чтобы вместе насладиться победой над тамплиерами.

Бревна, вдруг повалившиеся со сторожевой башни, уничтожили бо?льшую часть вражеской армии. Уцелевшие тамплиеры бросились прочь, но были накрыты второй волной. Еще совсем недавно эти люди не сомневались в своей победе. Теперь возвышенность и склоны были усеяны расплющенными телами. Кому-то размозжило голову, кому-то раздробило кости. Редкие счастливчики отделались переломанными руками и ногами. Тамплиеров охватило смятение. Робер де Сабле спешно приказал отступать, но с парапетов крепости на них градом посыпались стрелы ассасинов, и почти каждая нашла свою цель.

Аль-Муалим поднял руку, требуя тишины. Жестом он подозвал Альтаира, велев тому подняться на трибуну, стоявшую возле входа в башню. Под суровым взглядом Наставника Альтаир послушно поднялся и занял свое место. Аль-Муалим кивнул двум караульным, которые встали у Альтаира по бокам.

Возгласы ликования сменила гробовая тишина. Альтаир, стоя спиной к собравшимся, чувствовал на себе их пристальные взгляды. Похоже, все уже знали о том, что случилось в Иерусалиме. Малик и Аббас позаботились об этом. Храброе сражение на холме и блестяще исполненный замысел Аль-Муалима

сейчас уже не имели никакого значения. Альтаиру оставалось надеяться, что Наставник проявит к нему милосердие.

– Ты сумел достойно выпроводить Робера из наших краев, – с гордостью произнес Аль-Муалим.

Значит, Наставник его простит? Значит, его сегодняшние успешные действия искупили его вину?

– Силам де Сабле нанесен значительный урон, – продолжал Аль-Муалим. – Теперь он очень нескоро отважится нас потревожить. Скажи, Альтаир, ты знаешь, почему твои действия оказались успешными?

Альтаир молчал, слушая, как громко колотится его сердце.

– Твои действия оказались успешными, потому что ты слушал, – с силой произнес Аль-Муалим. – Если бы ты слушал тогда, в храме Соломона, всего, что случилось, можно было бы избежать.

Рука Аль-Муалима описала широкую дугу, обведя двор и пространство за стенами крепости, где и сейчас еще лежали неубранные трупы ассасинов, тамплиеров и жителей деревни.

– Я сделал то, о чем меня попросили, – сказал Альтаир.

Он старался тщательно подбирать каждое слово, но это не помогало.

– Нет! – резко возразил Наставник, и его единственный глаз зло вспыхнул. – Ты делал то, что потакало твоему своеволию. Малик рассказал мне, насколько самонадеянным ты был. Ты даже осмелился отрицать наши принципы.

Караульные крепко взяли Альтаира под руки. У него напряглось все тело, но сопротивляться он не стал.

– Что вы делаете? – настороженно спросил ассасин.

Щеки Аль-Муалима побагровели.

– Существуют правила. Существует Кредо ассасина. Стоит нам пренебречь правилами, и мы превратимся в ничто. Похоже, ты забыл три простых правила, из которые первое – наиглавнейшее: «Не позволяй клинку…»

Похоже, Аль-Муалим просто решил преподать ему урок в присутствии всех. Альтаир почувствовал облегчение и без всякого смирения докончил фразу Наставника:

– «…поразить невиновного». Я знаю.

Камни двора повторили звон пощечины, отвешенной Аль-Муалимом Альтаиру. У ассасина вспыхнула щека.

– Попридержи свой язык, пока я не дал тебе разрешения говорить, – загремел Аль-Муалим. – Если ты так хорошо знаком с этим правилом, почему в катакомбах ты убил тамплиерского священника? Старик ни в чем не провинился перед нами. Ему незачем было умирать.

Альтаир молчал. Да и что он мог сказать? «Я действовал сгоряча»? Или: «Убийство старика было проявлением моего высокомерия»?

– Твоя самонадеянность не знает границ, – продолжал распекать его Аль-Муалим. – Смири свое сердце, дитя, иначе я собственными руками его вырву.

Наставник умолк. Альтаир видел, как вздымаются и поникают его плечи. Аль-Муалим пытался совладать со своим гневом.

– Есть и второе правило, которое дает нам силу, – продолжал Аль-Муалим. – «Скрывайся у всех на виду». Слейся с толпой, и пусть она замаскирует тебя. Это правило ты помнишь? Сомневаюсь. Я слышал, что ты решил привлечь к себе внимание раньше, чем атаковал.

И опять Альтаир ничего не сказал. Стыд жег его изнутри.

– Ты ухитрился нарушить и третье правило, что стало наихудшим твоим предательством, – добивал его Аль-Муалим. – Третье правило гласит: «Никогда не подставляй под удар братство». Иными словами, не подвергай опасности

своих собратьев. Никакие твои действия – прямые или косвенные – не должны вредить братству. Все предельно ясно. Но твое своеволие, проявленное в развалинах иерусалимского храма, обернулось опасностью для всех нас. Что еще хуже, ты привел врагов к порогу нашего дома. Все, кого мы сегодня потеряли, погибли по твоей вине.

Альтаир не смел поднять глаза на Наставника. Он стоял, склонив голову набок. Боль в щеке не утихала. Но когда он услышал, как Аль-Муалим вынимает кинжал, то заставил себя поднять глаза.

– Мне жаль, поверь, – сказал Аль-Муалим. – Но братство не потерпит предательства.

«Нет! – кричало все существо Альтаира. – Только не это! Только не умереть смертью предателя».

Круглыми от ужаса глазами Альтаир смотрел на кинжал, застывший в руке Наставника. В руке, которая с самого детства учила его и вела по жизни.

– Я не предатель, – хрипло прошептал Альтаир.

– Твои действия говорят об обратном. Ты не оставляешь мне выбора. Мир над тобою, Альтаир, – сказал Наставник и вонзил кинжал ему в живот.

8

Так оно и было. В течение нескольких драгоценных мгновений, пока он был мертв, Альтаир ощущал удивительный покой.

А потом… потом он начал постепенно приходить в себя.

Альтаир обнаружил, что стоит на ногах. Как такое возможно? Может, это его посмертное существование? Куда он попал? В рай? Если нет, место очень напоминало покои Аль-Муалима. А кроме того, рядом стоял и сам Аль-Муалим. Взгляд Наставника был непроницаем.

– Я жив?

Руки Альтаира коснулись живота. Он ожидал, что пальцы наткнутся на дыру с рваными краями, мокрую от крови. Но там ничего не было. Ни раны… ни крови. Но ведь он успел увидеть рану. Успел почувствовать боль…

Разве нет?

– Я же видел, как ты ударил меня кинжалом, – пробормотал Альтаир. – Почувствовал объятия смерти.

Лицо Аль-Муалима было таким же непроницаемым, как его взгляд.

– Ты видел то, что я хотел тебе показать. А потом ты заснул сном мертвеца. Считай, что ты находился во чреве. Теперь настало время пробудиться и родиться заново.

Альтаир мотнул головой, прогоняя из нее туман.

– Родиться заново… для чего?

– Альтаир, ты помнишь, за что сражаются ассасины?

– За мир везде и во всем, – ответил он, так и не сумев до конца очнуться.

– Да, везде и во всем. Недостаточно покончить с насилием, которое люди творят по отношению друг к другу. Нужно обрести еще и мир внутри. Одно неразрывно связано с другим.

– Так говорят.

Адь-Муалим покачал головой. Его щеки снова покраснели.

– Так есть на самом деле. Но ты, сын мой, не обрел мир внутри себя. Это видно по твоим отвратительным действиям. Ты высокомерен и чрезмерно самонадеян. Тебе недостает мудрости и умения управлять собой.

– Что теперь будет со мной?

– За все беды, причиненные нам, я должен был бы тебя убить. Малик считает это справедливым: твоя жизнь – плата за жизнь его брата.

Аль-Муалим умолк, давая Альтаиру полностью проникнуться значимостью момента.

– Но твое убийство стало бы напрасной тратой моего времени и твоих талантов.

Альтаир позволил себе вздохнуть чуточку свободнее. Ему сохранили жизнь. Значит, он еще может искупить вину.

– Ты лишен своего имущества, – продолжал Аль-Муалим. – И звания тоже. Ты сейчас находишься в положении мальчишки-новичка, каким ты был пятнадцать лет назад, когда вступал в братство. Я даю тебе шанс искупления. Ты должен заработать право вернуться в братство.

Как же иначе?

– Наверное, у тебя есть какие-то планы на мой счет, – осторожно предположил Альтаир.

– Вначале ты должен доказать мне, что способен быть ассасином. Настоящим ассасином, – сказал Аль-Муалим.

– Ты приказываешь мне кого-то убить? – спросил Альтаир, понимая, что его искупление потребует гораздо больше усилий.

– Нет. Во всяком случае, не сейчас. Сейчас ты вновь должен превратиться в ученика.

– Зачем? В этом нет надобности. Ты сам говорил, что мои навыки никуда не исчезли. Я – Наставник ассасинов.

– Ты был им. Другие находили для тебя цели. Это время кончилось. С сегодняшнего дня ты сам будешь их искать.

– Если тебе так угодно…

– Да.

– Тогда скажи, что именно я должен делать.

– У меня есть список. В нем девять имен. Девять человек, заслуживающих смерти. Они подобны разносчикам чумы. Из-за них вспыхивают войны. Их власть и влияние, как ржа, разъедают нашу землю. Пока они живы, крестовые походы будут продолжаться. Ты их найдешь и убьешь. Делая это, ты посеешь семена мира в тех местах и у себя в душе. Тем самым ты искупишь вину за содеянное.

Альтаир сделал глубокий вдох. Это ему по силам. Он хотел исполнить повеление Аль-Муалима. Он нуждался в этом.

– Девять жизней в обмен на мою, – сказал Альтаир, боясь неосторожным словом все испортить.

– Думаю, это весьма щедрое предложение, – улыбнулся Аль-Муалим. – У тебя есть вопросы?

– С чего мне начинать?

– С поездки в Дамаск. Найдешь там торговца черного рынка по имени Тамир. Пусть он станет твоей первой целью.

Аль-Муалим подошел к клетке, вытащил голубя и посадил себе на ладонь, другой осторожно прикрыв птицу.

– Когда приедешь в город, обязательно зайди в местное бюро братства. Я отправлю голубя с посланием к дамасскому рафику[2 - Руководитель бюро ассасинов.], чтобы он знал о твоем приезде. Поговоришь с ним. Вот увидишь: этот человек окажется тебе очень полезен.

Аль-Муалим убрал ладонь. Голубь вспорхнул и исчез за окном, словно его и не было.

– Если ты считаешь такое решение наилучшим, – сказал Альтаир.

– Да, считаю. И потом, без его согласия ты не сможешь приступить к выполнению своего задания.

– Что за чепуха? – не выдержал Альтаир. – Мне не нужно ничье разрешение. Это напрасная трата времени.

– Это цена, которую ты платишь за допущенные ошибки, – резко ответил ему Наставник. – Теперь ты несешь ответственность не только передо мной, но и перед всем братством.

– Пусть будет так, – согласился Альтаир, намеренно затянув ответ, чтобы показать Наставнику свое неудовольствие.

– Что ж, тогда в путь, – сказал Аль-Муалим. – Докажи, что ты еще не потерян для нас.

Он замолчал и, нагнувшись, что-то достал из-под стола.

– Вот, возьми.

Обрадованный Альтаир потянулся к своему скрытому клинку, защелкнул наруч и набросил на мизинец спусковое кольцо. Он проверил механизм и вновь почувствовал себя ассасином.

9

Через пальмовые рощи, конюшни и лотки торговцев, расположившихся за пределами городских стен, Альтаир наконец достиг огромных, внушительных городских ворот Дамаска. Он хорошо знал этот город – крупнейший и святейший

во всей Сирии. В прошлом году он дважды приезжал сюда, чтобы оборвать жизнь намеченным жертвам. Альтаир задрал голову, оглядывая стену и парапеты. Было слышно, как бурлит жизнь по другую сторону ворот. Казалось, даже камни стены гудят с ней в унисон.

Но вначале нужно попасть в город. Успех его миссии зависел от умения незаметно двигаться по лабиринтам змеящихся улочек. Стычка с караульными была бы не лучшим началом. Альтаир спешился, привязал лошадь к ближайшему дереву и стал наблюдать за воротами. Караул несли сарацинские солдаты. Если он попытается пройти мимо них, его почти наверняка остановят. Нужно найти другой способ. Легко сказать – найти! Все знали, как надежно охраняется Дамаск. Альтаир снова задрал голову и почувствовал себя совсем маленьким по сравнению с высоченными городскими стенами – отвесными, гладкими и совершенно не пригодными для лазания по ним.

Увидев приближавшихся к воротам ученых, Альтаир улыбнулся. Салах ад-Дин отовсюду приглашал образованных людей в Дамаск – учиться самим и учить других. В городе было немало медресе. Ученые пользовались особыми привилегиями; в частности, им позволялось беспрепятственно передвигаться по городу. Альтаир пристроился к процессии, приняв самый благочестивый вид, на какой был способен, и легко прошел мимо караульных. Пустыня осталась позади. Он вступил в великий город.

По улицам Альтаир шел, склонив голову. Он двигался быстро и осторожно. Достигнув ближайшего минарета, он быстро оглянулся, затем прыгнул на подоконник, подтянулся и полез по горячей от солнца каменной стене. Его руки находили уступы, а ноги – ложбинки. Альтаир забирался все выше и выше. К нему возвращались прежние навыки, хотя сейчас он поднимался не так быстро и уверенно, как прежде. Даже не возвращались, а пробуждались вновь. И вместе с ними в нем проснулось давнее чувство мальчишеского восторга.

Достигнув вершины минарета, Альтаир присел на корточки. Сейчас он был похож на хищную птицу, обозревающую город с высоты. Он смотрел на купола мечетей, остроконечные минареты и крыши обычных жилых домов. Отсюда ему были видны городские базары, внутренние дворы, святые места и башня, служившая ориентиром для поисков местного убежища ассасинов.

И вновь Альтаир ощутил давний восторг. Он успел забыть, как удивительно выглядят города с высоты. Забыл, что значит смотреть на них с высших точек. В

такие моменты он чувствовал себя свободным.

Аль-Муалим оказался прав. Альтаир успел привыкнуть, что цели для него уже несколько лет выслеживали другие ассасины, а затем просто сообщали, куда и когда ему надлежало явиться. Его задачей было убить намеченную цель, и только. Сам того не сознавая, Альтаир тосковал по тому возбуждению, которое дарило само осознание быть ассасином. Быть им означало не убивать или проливать кровь, а ощущать что-то особенное внутри себя.

Альтаир немного подался вперед, оглядывая узкие улочки вокруг минарета. Толпы редели: горожан созывали на молитву. Альтаир скользил глазами по крышам и навесам над лотками, выискивая себе удобное место для приземления. Потом он заметил повозку с сеном. Не спуская с нее глаз, он встал, сделал глубокий вдох и на мгновение замер, подставив лицо ветру. Вдали звонили колокола. Альтаир шагнул вперед и прыгнул, ловко перевернувшись в воздухе. Он приземлился точно в середину повозки. Приземление оказалось не настолько мягким, как он рассчитывал, но все же это было лучше, чем приземлиться на ветхий навес, который наверняка порвется и сбросит тебя на жесткие доски. Альтаир вслушивался в окружающие звуки и ждал, когда улица опустеет, после чего выбрался из повозки и двинулся в направлении бюро.

Спрыгнув с крыши соседнего дома, он очутился в тенистом дворике, где негромко журчал фонтан. Густые кустарники гасили все звуки извне. Альтаиру показалось, что он попал в другой мир. Подготовившись к встрече с рафиком, он толкнул дверь и вошел.

Глава дамасского бюро ассасинов сидел за столом, больше похожим на прилавок. Увидев вошедшего, он встал:

– Здравствуй, Альтаир. Рад тебя видеть… целым и невредимым.

– И я рад, что ты тоже невредим, друг.

Рафик с первого взгляда не понравился Альтаиру. Прежде всего – своей дерзкой, ироничной манерой разговора. Наверняка ему уже сообщили о недавних… трудностях Альтаира. Чувствовалось, этот человек намеревался сполна воспользоваться своей временной властью над ним.

Когда рафик заговорил снова, он едва скрывал ехидную усмешку. Альтаира это не удивило.

– Сочувствую твоим бедам.

– Не стоит.

Рафик придал своему лицу притворно-участливое выражение.

– До тебя здесь побывало несколько ваших собратьев…

«Теперь понятно, откуда он так хорошо осведомлен», – подумал Альтаир.

– Если бы ты слышал, о чем они тут рассказывали, – легкомысленным тоном продолжал рафик, – уверен, ты бы убил их на месте.

– Все в порядке.

Рафик улыбнулся:

– Ты… не особо жаловал Кредо ассасина, так?

– Хочешь поговорить об этом?

Альтаира так и подмывало врезать рафику по физиономии и согнать с нее эту идиотскую улыбку. Или вонзить ему клинок прямо в…

– Прошу прощения, – сказал рафик, чуть покраснев. – Иногда я забываюсь. Какие дела привели тебя в Дамаск?

Он немного приосанился, наконец вспомнив, что это его дом и именно он тут хозяин.

– Я приехал из-за некоего Тамира, – сказал Альтаир. – По словам Аль-Муалима, этот человек занимается нечестивыми делами. Я намерен лишить его жизни. Подскажи, где я могу его найти.

– Выслеживать его тебе придется самому.

Альтаир вспыхнул:

– Но этим обычно занимаются…

Он осекся, вспомнив приказания Аль-Муалима. Ему предстояло вновь стать учеником. Выслеживать цель. Вершить приговор. Альтаир кивнул, целиком принимая свое задание.

– Обыщи весь город, – продолжал рафик. – Узнай, что затевает Тамир и где он обделывает свои дела. Тщательные приготовления – залог победы.

– Понятно. Но ты можешь хотя бы что-то рассказать мне о нем?

– Он живет за счет черного рынка. Так что начни с улиц, прилегающих к рынку Аль-Силаах.

– Полагаю, что потом, когда я выслежу Тамира, мне нужно будет вернуться сюда.

– Да. Придешь ко мне. Я отдам тебе метку Аль-Муалима, а ты отдашь нам жизнь Тамира.

– Как скажешь.

Обстановка в дамасском бюро ассасинов подействовала на Альтаира отупляюще, и он был рад снова очутиться на улице. Его путь, как обычно, пролегал по крышам. Альтаир вдыхал запах города. Ненадолго задержавшись, он обвел глазами улицу, змеившуюся внизу. Легкий ветерок лениво шевелил навесы над прилавками. Ближайший к Альтаиру торговец продавал начищенные до блеска масляные лампы. Возле прилавка толкались женщины, громко обсуждая достоинства и недостатки товара. Неподалеку двое мужчин о чем-то спорили. О чем – Альтаиру было не расслышать за женской трескотней.

Альтаир повернулся в другую сторону. Отсюда ему была хорошо видна Большая мечеть Дамаска. На юге зеленели обширные сады. Но его сейчас занимало совсем другое место.

Наконец Альтаир увидел рынок Аль-Силаах, с которого, если верить рафику, он должен был начать поиски Тамира. Глава дамасского бюро, конечно же, знал больше, чем рассказал, но строгое предписание обязывало его не раскрывать Альтаиру подробностей. «Ученик» должен пройти все тяготы обучения.

Альтаир отошел на пару шагов, набрал побольше воздуха, сбросил напряжение в руках и прыгнул.

Он успешно приземлился, припал к крыше и некоторое время вслушивался в разговоры, доносившиеся снизу. Пока Альтаир смотрел, из-за угла показался небольшой отряд караульных. Они сопровождали повозку, тяжело груженную бочками, которую еле-еле тащил осел.

– Прочь с дороги! – покрикивали караульные. – Освободите путь! Этот груз мы везем во дворец визиря. Его превосходительство Абу аль-Нуквод вновь устраивает пир.

Прохожие послушно сторонились, скрывая свое недовольство.

Альтаир смотрел на проходящих внизу солдат. Это имя он уже слышал. Абу аль-Нуквода называли королем-купцом Дамаска. Что касается бочек, то в них везли вино (хотя, конечно, Альтаир мог и ошибаться).

Впрочем, сейчас ему не было никакого дела до аль-Нуквода. Альтаир выпрямился и перепрыгнул на соседнее здание, потом на другое. С каждым прыжком он чувствовал новый прилив силы.

Сверху Аль-Силаах казался огромной дырой с рваными краями, пробитой в море крыш Дамаска. Рынок находился в северо-восточной части города, в самой середине бедняцкого квартала. Со всех сторон базар окружали деревянные домишки и глинобитные лачуги. Булыжных мостовых там не было, и дожди превращали улицы и сам рынок в вязкое болото. Затаившись на крыше ближайшего дома, Альтаир повел наблюдение за жизнью Аль-Силааха. Как и любой базар, он был заставлен повозками, лотками и шатрами. Ноздри Альтаира

улавливали великое множество ароматов. Пахло духами и благовонными маслами, пряностями и сластями. Уши Альтаира ловили обрывки разговоров и брани. Покупателей было много. Они облепляли прилавки и просто бродили толпами, разглядывая товары. Глазам Альтаира было не за что зацепиться. Он незаметно слез с крыши и быстро смешался с толпой, продолжая вслушиваться в разговоры вокруг.

Пытаясь уловить единственное слово: «Тамир».

Трое торговцев сидели в тени навеса. Они разговаривали тихо, при этом отчаянно жестикулируя. Кто-то из них произнес имя, и Альтаир, стараясь не привлекать к себе внимания, начал движение в их сторону, продолжая вслушиваться в беседу. Аль-Муалим как-то сказал: «Никогда не смотри в глаза тем, за кем следишь. Всегда выгляди так, будто ты чем-то занят. Не показывай своего напряжения». Альтаир старался в точности следовать заветам своего Наставника.

– Он опять назначил встречу, – услышал Альтаир, не зная, кто из троих произнес эту фразу.

Кто «он»? Вероятнее всего, Тамир. Альтаир продолжал слушать, надеясь узнать место встречи.

– Что на этот раз? Опять надо кого-то предупредить? Или казнить?

– Нет. Какая-то работа.

– Значит, нам снова не заплатят.

– Он напрочь забыл о правилах гильдии торговцев. Делает все, что ему заблагорассудится…

Они вполголоса заговорили о какой-то крупной сделке – крупнейшей из всех, по выражению одного из торговцев, и вдруг разом замолчали. Неподалеку на невысокий помост поднялся базарный глашатай – человек с короткой черной бородкой. Полузакрыв глаза, якобы от солнца, он пристально смотрел на троих торговцев из-под капюшона. Взгляд его не предвещал ничего хорошего.

Все трое побледнели. Один ковырял землю носком сандалии, двое других поспешно удалились, будто разом вспомнив о каких-то важных делах. Их маленькое собрание явно считалось оконченным.

Итак, глашатай. Возможно, один из людей Тамира. Наверняка тот держал базар в узде, и доносчиков у него хватало. Альтаир подошел ближе к помосту, словно ему было любопытно послушать, о чем станет говорить человек с бородкой. Вокруг помоста собралась небольшая толпа зевак.

– Никто не знает Тамира лучше, чем я, – громким голосом возвестил глашатай. – Подходите ближе. Слушайте мой рассказ. Это повествование о торговце, не знающем себе равных…

Альтаир понял, что оказался здесь как нельзя кстати. Он подошел еще ближе, разыгрывая заинтересованного слушателя. А базар вокруг продолжал жить своей суетливой жизнью.

– Это было перед самой битвой при Хаттине, – продолжал рассказчик. – У сарацинов кончались съестные припасы, а пополнить их было негде. Тамир в те дни водил караваны между Дамаском и Иерусалимом. Но дела у него тогда шли плохо. В Иерусалиме никто не хотел брать привезенные им овощи и фрукты. Тамиру ничего не оставалось, как двинуться в обратный путь, к Дамаску. По пути он горестно размышлял о судьбе своего груза. Еще немного, и его прекрасные овощи и сочные фрукты сгниют, а это будет означать конец его торговле и даже жизни… Но судьбе было угодно распорядиться иначе. По пути в Дамаск Тамиру встретилась сарацинская армия султана Салаха ад-Дина, чьи солдаты, как я уже сказал, голодали. Встреча стала поистине судьбоносной, ибо Тамиру и султану было что предложить друг другу.

Тамир отдал сарацинской армии весь свой груз. А когда битва окончилась, султан распорядился, чтобы доблестному торговцу заплатили в тысячекратном размере.

Говорят, если бы не Тамир, солдаты Салаха ад-Дина взбунтовались бы против него. Можно сказать, в той битве мы победили благодаря Тамиру…

Глашатай закончил повествование. Слушатели быстро расходились. Улыбаясь одними губами, рассказчик сошел с помоста и двинулся дальше. Наверное, к

другому помосту, где он снова будет восхвалять Тамира. Альтаир последовал за ним, держась на безопасном расстоянии. Ему опять вспомнились поучения Наставника: «Держи свою цель в поле зрения, но не приближайся к ней вплотную. Никогда не оглядывайся».

Альтаир радовался чувству, которое дарили ему вновь просыпающиеся навыки ассасина. Ему нравилось, забыв про суету вокруг, следовать за своей целью. Но уже через мгновение Альтаир был вынужден остановиться. Глашатай, не особо глядевший по сторонам, налетел на женщину, несшую вазу, и та разбилась. Торговка замахала руками, требуя возместить ущерб. Но глашатай лишь скривил губы и отвел руку, готовясь ударить назойливую простолюдинку. Внутри Альтаира все напряглось, но женщина торопливо отошла. Ухмыляясь, глашатай зашагал дальше, поддевая ногами осколки вазы. Альтаир последовал за ним. Торговка плакала, сидя на корточках в пыли, ругала глашатая и зачем-то собирала осколки разбитой вазы.

Глашатай свернул с улицы в узкий и почти пустой переулок, по обеим сторонам которого тянулись темные глинобитные стены. Должно быть, он сокращал себе путь до очередного помоста. Здесь Альтаир позволил себе обернуться. Никого. Он в несколько шагов догнал глашатая, схватил за плечо, развернул лицом к себе и ударил под ребра.

Тот скрючился и попятился назад, хватая воздух ртом. Сейчас он напоминал рыбу, выброшенную на берег. Еще раз оглянувшись и убедившись, что свидетелей нет, Альтаир подскочил к нему и ударил того ногой в шею.

Глашатай шумно рухнул на землю, запутавшись в полах своей длинной одежды. Он катался в пыли, держась за горло. Улыбаясь, Альтаир пошел дальше. Как просто. Даже слишком…

Но глашатай, быстро придя в себя, вдруг кинулся на ассасина со скоростью кобры: подскочив к Альтаиру, он ударил его кулаком в грудь. Ошеломленный ассасин попятился назад. Противник надвигался, стиснув зубы и размахивая кулаками. Глаза его свирепо блестели. Альтаир нагнулся, думая, что кулак просвистит мимо. Однако движение оказалось обманным: другим кулаком глашатай ударил Альтаира в челюсть.

Ассасин едва не упал. Почувствовав вкус крови во рту, он выругал себя за беспечность. Недооценил противника. Ошибка ученика. Противник лихорадочно озирался. Видимо, искал пути отступления. Усилием воли Альтаир подавил боль и ударил оратора в висок, не дав тому уйти. Некоторое время они колошматили друг друга в пустынном переулке. Глашатай был ниже ростом и быстрее. Очередной его удар пришелся Альтаиру в переносицу. Ассасин пошатнулся, из глаз брызнули слезы. Чувствуя победу, глашатай перешел в активное наступление, нанося тяжелые удары. Альтаиру удалось пригнуться и опрокинуть противника в пыль. Тот поднял целое облако, схватившись за грудь. Развернувшись, Альтаир упал на него и ударил коленом в пах. Наградой стал протяжный стон противника. Альтаир выпрямился, тяжело дыша и внутренне собираясь. Противник молча корчился в пыли. Его рот был раскрыт, но не издавал ни звука. Обеими руками он зажимал покалеченный пах. Когда глашатай хрипло выдохнул, Альтаир присел на корточки, почти вплотную приблизив свое лицо к лицу поверженного.

– Ты вроде немало знаешь про Тамира, – прошипел Альтаир. – Расскажи, что он замышляет.

– Я знаю только истории, которые рассказываю, – застонал бывший оратор. – И больше ничего.

Альтаир зачерпнул горсть песка, позволив песчинкам сыпаться между пальцев.

– Жаль. Раз тебе нечего предложить в обмен на свою жизнь, у меня нет причин ее сохранять.

– Постой. Не торопись. – Глашатай поднял дрожащую руку. – Кое-что я знаю…

– Продолжай.

– У Тамира с недавних пор появилось одно дело. Он следит за изготовлением оружия. Этого оружия много. Очень много…

– Ну и что? Возможно, он снабжает армию Салаха ад-Дина, только и всего. Мне эти сведения ничем не помогут, а значит, не помогут и тебе…

Альтаир нащупал скрытый клинок.

– Нет! Погоди! Слушай… – Лоб несчастного сочился потом. – Оружие не для Салаха ад-Дина. Для кого-то другого. Гербы на мечах и кинжалах мне незнакомы. Видно, Тамир поддерживает кого-то еще… но кого – я не знаю.

Альтаир кивнул.

– Это все? – спросил он.

– Да. Да! Я рассказал тебе все, что знаю.

– В таком случае тебе пора отдохнуть.

– Нет, – заскулил рассказчик, но было поздно.

Раздавшийся щелчок прозвучал как выстрел в пустом переулке. Альтаир выдвинул лезвие скрытого клинка и ударил глашатая в грудь. Он держал умирающего, пока тот бился в конвульсиях. Из уголков губ струилась кровавая пена. Глаза убитого постепенно стекленели. У ассасинов это называлось быстрой и чистой смертью.

Альтаир опустил бывшего оратора на землю, закрыл ему глаза и выпрямился. Убрав клинок, ассасин затащил труп за кучу вонючих бочонков, сваленных поблизости, и спешно покинул переулок.

10

– Входи, Альтаир. Добро пожаловать.

Рафик дамасского бюро ассасинов встретил его с усмешкой на лице. Альтаир впился в него глазами. Он видел, как рафик начинает ерзать под его взглядом. Может, он принес с собой запах смерти? След недавнего убийства?

– Я сделал то, о чем ты просил. Теперь отдай мне метку, – сказал Альтаир.

– Перво-наперво я хочу услышать все, что тебе удалось узнать.

Вспоминая убийство глашатая, Альтаир вдруг подумал, что с легкостью мог бы добавить к недавней жертве и другую. Его так и подмывало поставить этого человека на место. Но нет. Тогда он все испортит. Нужно играть свою роль до конца, какой бы головоломкой она ни казалась.

– Тамир заправляет рынком Аль-Силаах, – начал Альтаир, вспоминая приглушенный разговор троих торговцев и испуг на их лицах, когда вблизи появился глашатай. – Сам он богатеет на торговле оружием и доспехами. На него работают кузнецы и торговцы, его поддерживают ростовщики. Тамир – главный в городе торговец смертью.

Рафик кивал, не слыша для себя ничего нового.

– И ты нашел способ избавить нас от этой чумы? – высокомерно спросил он.

– На базаре должна состояться встреча по поводу какой-то важной сделки. Говорят, самой крупной из всех, что проворачивал Тамир. Его внимание будет поглощено ею. И тогда я нанесу удар.

– Что ж, замысел вполне здравый. Можешь идти выполнять задуманное.

Нагнувшись, рафик достал метку Аль-Муалима: перо одного из любимых голубей Наставника.

– Пусть исполнится воля Аль-Муалима, – сказал рафик.

Альтаир бережно спрятал перо под одеждой.

Наутро он еще до восхода солнца покинул убежище ассасинов и отправился на рынок Аль-Силаах. Когда он туда пришел, ему показалось, что взоры всех устремлены на небольшую площадь посередине базара.

Вскоре он понял причину. На площади стоял торговец Тамир. У него за спиной застыли два здоровенных телохранителя, которые зло и настороженно глядели на собравшихся. Какой-то старик, трясущийся всем телом, стоял перед знаменитым торговцем. На нем были тюрбан, халат и штаны. Под темными усами поблескивали белоснежные зубы.

Продираясь сквозь толпу, Альтаир продолжал следить за происходящим. Многие торговцы, закрыв лотки, торопились к площади, чтобы поглазеть на бесплатное зрелище. Обычно жители Дамаска либо куда-то торопились, либо стояли, поглощенные разговором. Сейчас был один из редких моментов, когда они стояли и молчали.

– Если бы ты только взглянул… – сказал дрожащий человек, съеживаясь перед Тамиром.

– Меня не занимают твои расчеты, – сердито перебил его Тамир. – Цифры ничего не меняют. Твои люди не сумели выполнить мою просьбу, а значит, я подвел своего заказчика.

«И кем же может быть его заказчик?» – подумал Альтаир.

Трясущийся всем телом торговец глотал слюну. Его глаза скользили по толпе в поисках сочувствия. Базарная стража стояла с пустыми лицами и невидящими глазами, тогда как толпа возбужденно следила за происходящим. Альтаиру были противны все участники этого зрелища: двуногие стервятники и бездействующая стража. Но противнее всех был сам Тамир.

– Нам нужно еще немного времени, – умолял провинившийся торговец.

Возможно, он понимал: это его последний шанс умилостивить Тамира.

– Это обычная отговорка лентяя или того, кто берется не за свое дело, – бросил ему Тамир. – Ты к кому себя относишь?

– Ни к кому, – ответил торговец, заламывая руки.

– То, что я вижу, свидетельствует об обратном, – сказал Тамир. Он поставил ногу на невысокий бортик, опершись на колено. – А теперь говори, что ты намерен сделать, чтобы разрешить все наши сложности? Оружие нужно мне сейчас.

– Я не вижу решения, – заикаясь, ответил торговец. – Люди трудятся день и ночь. Но твой… заказчик требует слишком большого количества. И место назначения… Путь туда тяжел.

– Вот бы ты оружие делал с такой же быстротой, с какой сыплешь оправданиями, – засмеялся Тамир.

Он играл на публику и был вознагражден смешками, порожденными скорее страхом, чем остроумием торговца.

– Я сделал все, что мог, – утверждал старик, стоящий перед ним.

Обод его чалмы потемнел от пота. Седая борода дрожала.

– Этого недостаточно.

– Быть может, ты просишь слишком много, – отважился сказать виноватый.

Говорить такое Тамиру было полным безрассудством. Улыбка, рассчитанная на публику, сползла с его лица. Глаза превратились в щелки.

– Слишком много? – повторил он, и от его голоса повеяло холодом. – Я дал тебе все. Без меня ты бы и сейчас заклинал змей, радуясь каждой мелкой монете. И взамен я всего-навсего хотел, чтобы ты выполнил порученные тебе заказы. И ты говоришь, что я прошу слишком много?

Тамир выхватил кинжал. Лезвие блеснуло на солнце. Зрители переминались с ноги на ногу. Стража базара стояла скрестив руки. На боку у каждого замерла кривая сабля. Лица их оставались бесстрастными. Никто из собравшихся не осмелился шевельнуться, будто их всех заколдовали.

Испуганно вскрикнув, торговец упал на колени, подняв вверх сомкнутые ладони – знак мольбы о пощаде. О том же молило его морщинистое лицо. В глазах

блестели слезы.

Тамир, глядя на жалкое существо, стоящее перед ним, плюнул. Торговец смиренно отер плевок с глаз.

– Ты осмеливаешься клеветать на меня? – загремел Тамир.

– Тамир, сжалься надо мной, – хныкал старик. – Я не хотел тебя оскорбить.

– Тогда нужно было держать язык за зубами, – бросил ему Тамир.

Видя кровожадный блеск в глазах Тамира, Альтаир точно знал, какой будет скорая развязка. Так оно и случилось. Тамир полоснул кинжалом по груди торговца, и халат старика мгновенно окрасился кровью. Несчастный качнулся назад с душераздирающим воплем, который был слышен и на соседних улицах.

– Нет! Остановись! – стонал он.

– Остановиться? – ухмыльнулся Тамир. – Я едва начал.

Подойдя к старику, он ударил того в живот. Старик повалился на землю и закричал, как раненый зверь. Тамир нанес ему новый удар.

– Ты явился на мой базар! – крикнул Тамир.

Удар.

– Торговал с моими людьми.

Удар. Четвертый по счету. Казалось, что Тамир отбивает мясо. Старик продолжал вопить.

– И осмелился меня прилюдно оскорблять?

Каждое слово сопровождалось новым ударом.

– Ты должен знать свое место.

Вопли затихли. Провинившийся старик превратился в исколотый, окровавленный труп, и его кровь заливала песок. Голова была неестественно запрокинута.

Один из телохранителей Тамира вышел вперед, чтобы убрать тело.

– Нет, – прошептал Тамир, вытирая бороду тыльной стороной ладони. – Оставь здесь. – Он повернулся к толпе. – Пусть это послужит вам уроком. Хорошенько подумайте, прежде чем говорить мне, что вы чего-то не можете сделать. И хватит пялиться. За работу!

Тело убитого торговца осталось на окровавленном песке. Его уже обнюхивал бродячий пес. Зрители торопливо расходились, и вскоре все выглядело так, будто ничего не случилось. Будто о несчастном старике успели забыть.

Может, кто-то и забыл, но только не Альтаир. Он разжал пальцы, выдохнул давно удерживаемый воздух и теперь обуздывал бурлившую внутри злость. Чуть нагнув голову, он нашел глазами Тамира, который теперь двигался по базару во главе своих телохранителей. Подойдя ближе, Альтаир подслушал его разговор с ремесленниками. Те глядели на хозяина рынка широко распахнутыми, испуганными глазами, вынужденно соглашаясь со всем, что слышали от него.

– Я не могу это продать, – брезгливо поморщился Тамир. – Переплавьте и выкуйте новые. А если их качество снова окажется никудышным, я велю переплавить вас.

Округлившиеся глаза. Кивки, кивки, кивки.

– Не понимаю, чем это вы заняты дни напролет. Ваши лотки и шатры ломятся от товаров. Ваши кошельки точно так же должны трещать от монет. Почему вы не можете все это продать? Торговля – занятие легкое и прибыльное. Может, вы недостаточно стараетесь? Вот ты, скажи, – обратился Тамир к замершему торговцу. – Тебе не хватает мотивации?

Торговец торопливо кивнул, но тут же понял свою оплошность и отчаянно замотал головой. Тамир пошел дальше. Его окружала толпа. Его

телохранители… Может, сейчас – самый благоприятный момент для удара? Видя, как весь базар запуган и трепещет перед Тамиром, его телохранители ослабили бдительность. Они позволили себе задержаться у другого лотка, требуя, чтобы владелец щедро одарил их жен. Тамир продолжал устрашать безгласных торговцев.

Альтаир молниеносно проскользнул между Тамиром и двумя телохранителями. Мизинец левой руки почувствовал привычное напряжение спускового механизма. Тамир стоял к ассасину спиной, понося очередную жертву:

– Ты умолял меня, чтобы я допустил тебя на базар. Клялся, что лучше тебя этого никто не сделает. Мне бы следовало…

Альтаир шагнул вперед. Щелкнул спусковой механизм. Одной рукой он обхватил Тамира, а другой поглубже всадил лезвие клинка.

Тамир издал сдавленный звук, но не закричал. Дергался он совсем немного и вскоре обмяк. Обернувшись, Альтаир увидел выпученные глаза перепуганного торговца. Тот напряженно думал, как ему поступить: поднять тревогу или… Торговец молча повернулся и ушел.

Альтаир опустил Тамира на землю между двумя лотками так, чтобы телохранители ничего не видели. Впрочем, они и так не замечали ничего вокруг.

Веки Тамира дрогнули.

– Покойся с миром, – тихо сказал Альтаир.

– Ты заплатишь за это, ассасин, – прохрипел Тамир. У него из носа потекла струйка крови. – Вы все заплатите.

– Сейчас, друг мой, платишь ты. Тебе больше не заработать на чужой боли.

Тамир так же хрипло засмеялся:

– Ты считаешь меня простым торговцем смертью, наживающимся на войне? Странная цель, не правда ли? Почему именно я, когда вокруг так много тех, кто

делает то же самое?

– Думаешь, ты от них отличаешься? – спросил Альтаир.

– Отличаюсь, и я служу более благородному делу, чем простая прибыль. Как и мои братья…

– Братья?

И вновь Тамир рассмеялся, уже слабее:

– Ах, вот оно что… Он думает, я сам по себе. Нет. Я лишь один из многих. Человек, игравший свою роль. Но скоро ты обязательно познакомишься с другими. И им очень не понравится содеянное тобой.

– Прекрасно. Мне не терпится оборвать и их жизни.

– Какая гордыня. Она погубит тебя, дитя, – сказал Тамир и испустил дух.

– Чтобы мир менялся, некоторые люди должны умереть, – произнес Альтаир и закрыл убитому глаза.

Достав перо Аль-Муалима, Альтаир обмакнул его в кровь Тамира. Бросив последний взгляд на телохранителей, он ушел, растворившись в толпе. Альтаир уже был достаточно далеко от базара, когда сзади раздались пронзительные крики.

11

Тамир – первая из девяти целей – был мертв. Увидев окровавленное перо, Аль-Муалим сдержанно похвалил Альтаира и тут же дал ему новое задание. Ассасин молча поклонился и покинул кабинет Наставника.

На следующий день, взяв припасы на дорогу, Альтаир пустился в путь. На этот раз ему предстояло отправиться в Акру – город, который контролировали крестоносцы. И там их власть была такой же крепкой, как власть Салаха ад-Дина в Дамаске. Но в отличие от Дамаска, Акра сильно пострадала от войны.

Город достался христианам дорогой ценой. Они взяли Акру после длительной, кровопролитной осады, продолжавшейся почти два года. Свою роль сыграл и Альтаир, прекратив поступление в Акру воды, отравленной тамплиерами.

Однако помешать самому отравлению он оказался не в силах. Трупы, попавшие в воду, разносили болезнь, и она одинаково поражала христиан и мусульман. Люди умирали как внутри города, так и за его стенами. В Акре кончались запасы продовольствия. Тысячи людей были обречены на голодную смерть. Вскоре к крестоносцам подошло подкрепление. Они построили новые стенобитные машины, возобновив атаки. Им удалось в нескольких местах пробить городские стены. Сарацины сумели отбить атаки и заделать бреши. Это противостояние продолжалось до тех пор, пока Ричард Львиное Сердце не предпринял грандиозное наступление на Акру и не вынудил мусульман сдаться. Крестоносцы вошли в город. Местный гарнизон был взят ими в заложники.

Между Ричардом и Салахом ад-Дином начались переговоры об освобождении заложников. Их исход мог бы стать иным, если бы не разногласия между английским королем и французом Конрадом де Монферратом, который отказывался возвращать заложников, захваченных его войсками.

Конрад вернулся в Тир, оставив вместо себя отца Конрада, Уильяма. Ричард отправился в Яффу, где его силам предстояло сразиться с войсками Салаха ад-Дина.

Уильям де Монферрат приказал казнить мусульманских заложников. Почти три тысячи сарацинских воинов были обезглавлены.

Итак, Альтаиру предстояло выследить и убить вторую цель из списка Аль-Муалима именно в Акре. Еще не успели зарубцеваться шрамы, нанесенные городу многомесячной осадой; городу, сполна познавшему болезни, голод, жестокость и кровопролитие. Страдания стали частью повседневной жизни горожан. Почти все ходили понурив плечи и с печалью на лицах. Труднее всего пришлось бедным кварталам. Трупы, завернутые в муслин, лежали там прямо на

улицах. Городские гавани превратились в места беспробудного пьянства и ничем не сдерживаемого насилия. Единственной частью Акры, где не пахло смертью и отчаянием, был квартал, занимаемый крестоносцами. Там стояла цитадель Ричарда и располагалась штаб-квартира Уильяма. Крестоносцы провозгласили Акру столицей Иерусалимского королевства. Здесь они складировали все необходимое для похода Ричарда на Яффу. Теперешний правитель города, Уильям, лишь усугубил все городские язвы, в чем Альтаир наглядно убеждался буквально на каждом шагу.

Закончив сбор сведений о своей жертве, Альтаир направился в местное бюро ассасинов. Джабала – здешнего рафика – он застал сидящим за столом. Глава бюро держал на ладони голубя, ласково поглаживая птичьи перья. Услышав шаги, он поднял голову.

– А, это ты, Альтаир, – мягко сказал Джабал. – Птичка поведала мне, что ты собираешься нанести нам визит…

Он улыбнулся своей шутке и выпустил голубя. Но тот никуда не улетел, а перепорхнул на стол, где распушил перья и принялся расхаживать взад-вперед, словно неся караул. Джабал немного понаблюдал за голубем, потом сел поудобнее, приготовившись к разговору.

– Ну и кто же тот бедняга, кого Аль-Муалим решил угостить твоим клинком? – спросил он Альтаира.

– Аль-Муалим приказал мне убить Гарнье де Наплуза.

Чувствовалось, ответ удивил Джабала.

– Самого магистра ордена госпитальеров?

– Его самого, – неторопливо кивнул Альтаир. – И я уже продумал, когда и как я это сделаю.

– Поделись со мной своими замыслами. – Джабал был явно впечатлен, и не без причины.

– Он живет и работает в больнице ордена, – начал Альтаир. – Это к северо-западу отсюда. По слухам, в стенах больницы творятся немыслимые жестокости.

Альтаир рассказал все, что сумел узнать. Джабал внимательно слушал, после чего спросил:

– И каков твой замысел?

– Большую часть времени Гарнье проводит у себя в комнатах. Выходит в основном для осмотра своих больных. Я намереваюсь убить его во время очередного обхода.

– Чувствую, ты четко все продумал. Можешь идти выполнять задуманное.

Джабал протянул Альтаиру голубиное перо – метку Аль-Муалима.

– Альтаир, убери этот нарыв с тела Акры, – сказал Джабал. – Возможно, это и тебе поможет очиститься.

Альтаир взял метку, угрюмо посмотрев на Джабала (неужели все ассасины уже знали о его позоре?). Он покинул бюро и, как всегда, по крышам добрался до больницы. Остановившись неподалеку, Альтаир перевел дух и собрался с мыслями, одновременно разглядывая здание.

Джабалу он рассказал только часть сведений, скрыв от рафика свое отвращение. Гарнье де Наплуз действительно был великим магистром ордена госпитальеров, возникшего в Иерусалиме для заботы о больных христианских паломниках. В Акре госпитальеры обосновались едва ли не в самой бедной части города.

И там, как узнал Альтаир, де Наплуз занимался отнюдь не лечением.

Альтаиру удалось подслушать разговор двух госпитальеров. Они говорили о том, что магистр не допускает в больницу простой люд, и это чревато бунтом. Один из госпитальеров сказал, что боится повторения скандала, разразившегося в Тире.

– Какого скандала? – спросил второй госпитальер.

Первый наклонился к его уху. Альтаир весь обратился в слух.

– Когда-то Гарнье называл Тир своим домом. Но его принудили уехать. Говорят, он ставил опыты на больных.

– Какие опыты? – поморщился второй.

– Подробностей не знаю, но опасаюсь… Не взялся ли он за старое? Не потому ли он запирается в крепости госпитальеров?

Позже Альтаир прочел свиток, украденный у одного из помощников де Наплуза. Из прочитанного явствовало: госпитальер вовсе не собирался лечить больных. Из Иерусалима ему поставляли живой груз – людей, на которых он ставил опыты, выполняя чей-то заказ. Целью опытов было погружение человеческого ума в определенное состояние. Тамир, недавно убитый Альтаиром, отвечал за снабжение де Наплуза инструментами и материалами.

Внимание Альтаира привлекла одна фраза: «Мы должны предпринять необходимые усилия, дабы вернуть то, что было отнято у нас». Что бы это значило? Раздумывая над этой фразой, он продолжил сбор сведений. Оказывается, великий магистр госпитальеров позволял «безумцам» бродить по больнице. Это Альтаир тоже подслушал из разговоров. Он узнал, когда лучники, несшие караул на парапетах, покидают свои посты. Но самым важным было то, что де Наплуз совершал свои обходы один, без телохранителей. Зато в больницу допускали только монахов.

И только после того, как он узнал все это, Альтаир отправился к Джабалу за меткой Аль-Муалима.

12

Альтаир обошел здание, примыкавшее к крепости госпитальеров. Как он и ожидал, по парапету расхаживал лучник, неся караул. Альтаир принялся

следить за ним. Караульный неспешно шел, время от времени поглядывая вниз, во двор. Но чувствовалось, ему интереснее разглядывать городские крыши. Альтаир взглянул на солнце. Судя по положению светила, вот-вот должна произойти смена караула. И действительно, караульный поспешил к лестнице, исчезнув с парапета. Альтаир мысленно улыбнулся.

Пару минут он выжидал. Убедившись, что смена караула не торопится, Альтаир перепрыгнул с крыши на парапет и, пригибаясь, двинулся вперед. Пройдя немного, он осторожно перегнулся через парапет, заглянув во двор. Вниз уходили отвесные стены, сложенные из унылого серого камня. Середину двора занимал колодец. Дворы домов в Акре обычно изобиловали зеленью, а их стены были прихотливо украшены. Этот же напоминал тюремный. Двор охраняли несколько солдат в черных плащах с белым крестом на груди. Были здесь и монахи. Рядом с ними бродили больные: босые и без рубашек. Наверное, их вывели погулять, хотя вряд ли это бесцельное хождение можно было назвать прогулкой. Бедняги тупо переставляли ноги. Альтаира поразили их пустые лица и остекленевшие глаза.

Альтаир нахмурился. То, что парапет сейчас не охранялся, ничего не меняло. Спрыгнуть во двор, оставаясь незамеченным, было невозможно. Он перебрался к стене, в которой располагался вход в крепость, и выглянул на улицу. На камнях, выбеленных солнцем, сидели, стояли и лежали больные жители Акры. Их родные умоляли караульных открыть двери, но те стояли, как изваяния. Были здесь и умалишенные. Они бродили взад-вперед, воздевая руки к небу и бормоча либо бессмыслицу, либо ругательства.

И тут (Альтаир улыбнулся про себя) ассасин заметил приближающуюся к крепости группу ученых. Они шли, совершенно не обращая внимания на стоны и крики больных, словно вокруг было пустое пространство. Воспользовавшись суматохой, Альтаир спустился вниз. Его никто не заметил. Пристроившись к ученым, он пошел, опустив голову и стараясь погромче шаркать ногами. Несколько раз он украдкой поглядывал на ученых мужей, проверяя, что они идут именно в больницу. Караульные молча расступились, пропустив ученых внутрь крепости.

Оказавшись во дворе, Альтаир поморщился. Если на улице пахло хлебом и лепешками, специями и благовонными маслами, здесь ему в нос ударило зловоние. Во дворе пахло страданиями и смертью, давно не мытыми человеческими телами и нечистотами. Откуда-то из-за закрытых дверей

послышались пронзительные крики, сменившиеся негромкими стонами.

«Должно быть, в той стороне главное здание больницы», – подумал ассасин.

Его догадка подвтердилась, когда через считаные секунды внутренняя дверь вдруг распахнулась и оттуда во двор выскочил один из пациентов.

– Нет! Помогите! Помогите мне! – кричал он. Его лицо с выпученными глазами было перекошено страхом. – Умоляю, помогите! Вы должны мне помочь!

За ним следом выскочил караульный. Одно веко у караульного едва поднималось, словно ему когда-то перерезали мышцы в этом месте. Он быстро догнал и схватил кричащего безумца. Ему на подмогу выбежал второй караульный. Вдвоем они принялись избивать больного, пока тот не рухнул на колени.

Альтаир смотрел, стиснув зубы и сжав кулаки. Пока караульные избивали жертву, другие больные подошли поближе. Их лица не выражали ничего, кроме легкого любопытства. Люди стояли, покачиваясь из стороны в сторону.

– Смилуйтесь! – выл несчастный, на которого продолжали сыпаться удары. – Я молю о пощаде! Не бейте меня!

И вдруг безумец умолк. Распахнулась другая дверь, и во двор вошел не кто иной, как Гарнье де Наплуз.

Альтаир почему-то представлял его выше ростом. Любитель опытов на живых людях был безбородым, с коротко стриженными седыми волосами и впалыми глазами. Особенно поражал жестокий рот с губами, опущенными книзу. Все это придавало ему сходство с трупом. На обоих рукавах его сутаны был нашит белый крест. На шее висело распятие. Но какому богу ни поклонялся бы де Наплуз, тот давно его покинул. Альтаир это видел. Передник госпитальера был грязный, весь в пятнах крови.

Де Наплуз мрачно взглянул на затравленного безумца. Караульные держали больного за руки. Ленивое Веко замахнулся, готовясь нанести жертве новый удар.

– Довольно, дитя мое, – распорядился де Наплуз. – Я просил вас увести больного со двора, а не убивать его.

Ленивое Веко неохотно опустил руку. Де Наплуз подошел ближе. При виде его безумец застонал и задергался, словно загнанный зверь.

Де Наплуз расплылся в улыбке.

– Ну что ты, дружок, – почти ласково произнес он, обращаясь к безумцу. – Все будет хорошо. Дай мне свою руку.

Больной замотал головой:

– Нет! Нет! Не прикасайся ко мне! Не трогай меня!

Де Наплуз наморщил лоб, будто эти слова его слегка задели.

– Прогони страх, иначе я не смогу тебе помочь, – ровным тоном произнес он.

– Помочь мне? Так, как ты помогал другим? Ты забрал у них душу. Но мою ты не заберешь. Нет. Ты ни за что ее не получишь. Никогда, никогда, никогда… Только не мою, только не мою, только не мою…

Увещевания кончились. Де Наплуз ударил безумца по лицу.

– Возьми себя в руки! – прорычал госпитальер. Его глаза сердито вспыхнули. Безумец уронил голову на грудь. – Думаешь, мне это доставляет удовольствие? Думаешь, мне хочется делать тебе больно? Но ты не оставляешь мне выбора…

Безумец вдруг вырвался из рук караульных и попытался смешаться с толпой зрителей.

– Он говорит добрые слова и тут же лупит вас! – кричал несчастный, пробираясь мимо Альтаира в попытке убежать от караульных. – Все это – вранье и обман. Он не успокоится, пока не заставит всех кланяться себе.

Ленивое Веко схватил безумца и приволок обратно к де Наплузу. Теперь безумец тихо скулил под холодным взглядом великого магистра ордена госпитальеров.

– Напрасно ты испытываешь мое терпение, – с расстановкой произнес де Наплуз. Он повернулся к Ленивому Веку. – Отведи его в палату. Я навещу его в конце обхода.

– Вы меня здесь не удержите! – вопил безумец. – Я снова сбегу.

Де Наплуз остановился.

– Нет, не сбежишь, – спокойно возразил госпитальер и отдал распоряжение Ленивому Веку: – Сломай ему ноги. Обе.

Караульный довольно ухмыльнулся. Безумец извивался, пытаясь вырваться, но громила, каким был Ленивое Веко, легко повалил его на землю и тяжелым сапогом наступил вначале на левую, затем на правую ногу. Казалось, он ломает хворост. Безумец пронзительно кричал. Альтаир негодовал. Он давно не видел такой беспричинной, неоправданной жестокости. Ноги сами понесли его вперед, поближе к месту расправы.

Момент был упущен: жертва потеряла сознание, не выдержав чудовищной боли. Караульные поволокли его внутрь. Де Наплуз глядел ему вслед. Лицо госпитальера вновь приняло сочувственное выражение.

– Я очень сожалею, дитя мое, – произнес он, обращаясь больше к себе, чем к собравшимся. Но через мгновение де Наплуз вспомнил и о них. – А вам что, больше заняться нечем? – рявкнул он.

Под его мрачным взглядом монахи и больные начали расходиться. Альтаир повернулся, собираясь раствориться в толпе, как вдруг заметил, что де Наплуз очень внимательно разглядывает всех, кто находился во дворе. Госпитальер словно пытался отыскать потенциального убийцу, подосланного к нему.

«Хорошо», – подумал Альтаир, слыша, как за великим магистром закрылась дверь. Пусть боится. Пусть хотя бы немного прочувствует на своей шкуре страх, который вызывает в других. Образ струсившего де Наплуза несколько погасил

гнев в душе Альтаира. Он снова присоединился к ученым и вошел в другую дверь, ведущую, как оказалось, в общую палату. Соломенные подстилки на полу пропахли страданиями, мочой и испражнениями. Усилием воли Альтаир подавил рвотные позывы. Кое-кто из ученых прикрыл нос подолом своей одежды. Люди на больничных койках стонали и кричали от боли. Склонив голову, Альтаир поглубже натянул капюшон. Де Наплуз подошел к койке, где лежал изнуренный человек, привязанный кожаными ремнями.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил у него Гарнье.

– Что ты сделал… со мной? – прохрипел больной.

– Ты о своей боли? Не стану тебе лгать. Да, поначалу будет больно. Это малая плата. Со временем ты признаешь правоту моих действий.

Лежащий попытался поднять голову:

– Ты… чудовище.

Де Наплуз понимающе улыбнулся:

– Меня называли и похуже.

Он перешел к подобию деревянной клетки. Внутри стояла койка. Де Наплуз всмотрелся… Нет, не в больного. Не в человека. Альтаир вдруг понял, что этот врач-изувер видел в них не людей. Живой материал для его опытов. И вновь Альтаир был вынужден притушить бурлящий внутри гнев. Он оглянулся вокруг. Почти все караульные собрались в другом конце палаты. Как и во дворе, несколько больных рассеянно бродили взад-вперед. И здесь монахи жадно ловили каждое слово де Наплуза, держась на почтительном расстоянии, чтобы не мешать великому магистру проводить осмотр.

Если Альтаир собирался убить де Наплуза (а он пришел сюда именно за этим), нужно действовать как можно скорее.

Но потом де Наплуз перешел к очередной койке, на которой лежал улыбающийся человек.

– Говорят, ты теперь можешь ходить, – ласковым голосом произнес госпитальер. – Впечатляет.

Больной смутился:

– Так… давно. Почти забыл… как это… ходить.

Де Наплуз был доволен. Искренне доволен.

– Замечательно, – улыбаясь, сказал он.

– Я… не понимаю. Почему ты мне помог?

– Потому что никто другой этого бы не сделал, – ответил де Наплуз и пошел дальше.

– Тебе я обязан жизнью, – сказал больной на следующей койке. – Я в твоем распоряжении. Спасибо. Спасибо, что ты меня освободил.

– И тебе спасибо, что позволил мне это сделать, – ответил де Наплуз.

Альтаир на мгновение заколебался. Может, он ошибся? Может, де Наплуз – вовсе не чудовище? Альтаир быстро отмел все сомнения, вспоминая крики безумца во дворе, которому по приказу этого доброго врача ломали ноги. Вспомнил живые тени, бродящие по больнице. Если здесь и были исцеления, они заметно уступали творимому варварству.

Де Наплуз подошел к последней койке. Еще немного, и он уйдет из палаты, лишив Альтаира шанса убить его. Пора. Ассасин оглянулся. Караульные по-прежнему толпились в дальнем конце комнаты. Альтаир покинул ученых, вместе с которыми двигался до сих пор, и встал у де Наплуза за спиной. Тот склонился над пациентом.

Послушно выскользнуло лезвие клинка, и Альтаир тут же воткнул его в спину второй цели Аль-Муалима. Другой рукой он зажал магистру рот, чтобы тот не закричал от боли. Плавно и почти заботливо Альтаир опустил смертельно раненного врача на пол.

– Скинь свое бремя, – прошептал он.

Де Наплуз моргнул и посмотрел в лицо своего убийцы. В умирающих глазах Альтаир не увидел страха. Только обеспокоенность.

– Ах… Теперь я отдохну, да? – спросил де Наплуз. – Вечный сон зовет меня. Но прежде чем я закрою глаза, я должен знать: что станется с моими детьми?

– С детьми? Так ты называешь тех, кого заставлял страдать от своих жестоких опытов? – Альтаир был не в силах скрыть отвращение. – Теперь они наконец-то освободятся и вернутся домой.

Де Наплуз сухо рассмеялся:

– Домой? Интересно, куда? В сточные канавы? В публичные дома? В тюрьмы, из которых мы их вытащили?

– Ты захватил этих людей против их воли, – сказал Альтаир.

– Да. Потому что ее у них были жалкие крупицы, – дыша ртом, возразил де Наплуз. – Неужто ты настолько наивен? Ты согласишься ублажать плачущего ребенка лишь потому, что он вопит во все горло? «Отец, я хочу поиграть с огнем», – требует этот несмышленыш. Что ты ему скажешь? «Хорошо, иди играй»? Только потом… тебе отвечать за его ожоги.

– Но ты здесь собрал не детей, – заметил ему Альтаир, пытавшийся понять логику умирающего. – Ты держишь в больнице вполне взрослых мужчин и женщин.

– Взрослых телом. Но не разумом. Вот это повреждение я и пытался исправить. Должен признаться: без артефакта, который вы украли у нас, мой прогресс замедлился. Но существуют травы. Настойки и отвары. Лучшее свидетельство моих успехов – мои караульные. Все они были безумцами, пока я их не нашел и не вызволил из тюрьмы их собственного разума. После моей смерти они вновь скатятся в безумие…

– Ты всерьез веришь, что помогал им?

Де Наплуз улыбнулся. Из его глаз постепенно уходил свет жизни.

– Я в это не верю. Я это знаю.

Он умер. Альтаир опустил голову убитого на каменный пол и обмакнул перо Аль-Муалима в его кровь.

– Смерть милосердна, – прошептал он.

И в этот момент один из монахов поднял тревогу. Альтаир выпрямился. К нему уже спешили караульные, на ходу вынимая мечи. Ассасин подпрыгнул и побежал, направляясь к дальней двери и отчаянно надеясь, что она ведет во внутренний двор.

Его надежды оправдались. Дверь действительно вела во внутренний двор.

Радость омрачилось появлением Ленивого Века, который вывалился из двери следом, размахивая тяжелым боевым мечом…

Альтаир тоже выхватил меч, выдвинув и лезвие скрытого клинка. Их мечи со звоном схлестнулись. На секунду противники оказались нос к носу. Альтаир разглядел шрам на веке караульного. Потом Ленивое Веко чуть отступил и тут же рванулся вперед, где его уже ждал меч Альтаира. Громила быстро изменил тактику, и Альтаир едва не потерял защиту. Альтаир отступал, стремясь, чтобы между ним и караульным появилось пространство. Но стражник оказался куда более умелым бойцом, чем считал Альтаир. К тому же Ленивое Веко был крупнее его и выше ростом. Выпирающие жилы на его шее свидетельствовали о том, что он привык держать в руках боевой меч. На подмогу товарищу во двор выбежало еще несколько караульных. Ленивое Веко махнул им, и они остановились.

– Он мой, – прорычал громила-госпитальер.

Он был высокомерен и самонадеян. Альтаир улыбнулся. Вскинув меч, он устремился в атаку. Ухмыляясь, Ленивое Веко легко отразил удар и что-то проворчал. Альтаир отпрыгнул влево и сделал наскок со стороны поврежденного глаза противника, его слабого места. Клинок полоснул караульного по горлу.

Хлынул фонтан крови. Госпитальер осел на колени. Сзади послышался удивленный крик. Альтаир повернулся и побежал. Он протолкнулся через скопление безумцев, собравшихся во дворе, к входным дверям и выскочил на улицу.

Здесь он на мгновение остановился, оглядывая крыши. Альтаир прыгнул на лоток уличного торговца и быстро полез по стене. Торговец бессильно грозил ему кулаком, выкрикивая ругательства. Но через мгновение Альтаир был уже наверху. Он бежал, прыгал, снова бежал и снова прыгал, удаляясь от кошмара, называемого больницей госпитальеров. У Альтаира не выходили из головы последние слова де Наплуза. О каком артефакте говорил перед смертью великий магистр? Альтаир было подумал о шкатулке на столе Аль-Муалима, но тут же отбросил эту мысль. Разве шкатулка могла быть каким-то образом связана с жуткими опытами де Наплуза?

Но если не шкатулка, тогда что?

13

– Гарнье де Наплуз мертв, – спустя несколько дней сообщил Аль-Муалиму Альтаир

– Прекрасно, – одобрительно кивнул Наставник. – Самый благоприятный исход.

– И все же… – замялся Альтаир.

– Что такое?

– Этот врач утверждал, что занимается благородным делом. По правде говоря, кое-кто из его пленных был ему благодарен за исцеление. Не все, конечно, но достаточно, чтобы задуматься… Как ему удавалось превращать врагов в друзей?

– Вожди всегда найдут способы, чтобы заставить других подчиниться себе, – усмехнулся Аль-Муалим. – Это и делает их вождями. Если не хватает слов, в ход идут деньги. Если подвластных не устраивает жалованье, есть давние,

испытанные приемы: подкуп, угрозы, уловки, увертки и так далее. Знаешь, Альтаир, в далеких землях растут травы, способные лишить человека разума. Они даруют столь острые и изощренные наслаждения, что люди нередко становятся их рабами.

Альтаир кивал, вспоминая больных с отсутствующим взглядом и безумца, которому переломали ноги.

– Думаешь, де Наплуз лишал свои жертвы воли? Травил их?

– Да, если все было именно так, как ты мне рассказал, – ответил Аль-Муалим. – В том же наши враги обвиняли и меня.

Наставник дал Альтаиру следующее задание и почему-то улыбнулся, упомянув про иерусалимского рафика, которому нужно будет представиться и рассказать о своих наблюдениях за целью.

Войдя в иерусалимское бюро ассасинов, Альтаир сразу понял причину улыбки. Рафиком был Малик.

Увидев Альтаира, брат покойного Кадара встал из-за стола. Несколько секунд ассасины смотрели друг на друга, не скрывая отвращения. Потом Малик медленно повернулся, и Альтаир побледнел.

Люди де Сабле, с которыми Малик сражался в развалинах храма Соломона, серьезно повредили ему левую руку. Лучшие врачи Масиафа пытались ее спасти и не смогли. Руку пришлось отнять.

Малик невесело улыбнулся. Победа над тамплиерами и Альтаиром далась ему дорогой ценой. Альтаир же напомнил себе о том, что должен относиться к Малику смиренно и с почтением. Он молча поклонился, отдавая должное потерям своего собрата. Младший брат. Рука. Положение в братстве.

– Мир и безопасность, Малик, – сказал он наконец.

– Твое присутствие здесь лишает меня того и другого, – огрызнулся Малик. – Что тебе нужно?

– Аль-Муалим велел…

– Велел тебе что-то сделать во искупление своих грехов? – язвительно спросил Малик. – Давай выкладывай. Что удалось узнать?

– Вот что мне стало известно, – ответил Альтаир, стараясь говорить спокойно. – Цель – некий Талал. Работорговец, наживающийся на чужих жизнях. Он похищает жителей Иерусалима и продает их в рабство. Его логово находится на складе, а сам склад – внутри барбакана к северу отсюда. Пока мы с тобой говорим, Талал готовит караван к отправке. Я рассчитываю ударить, когда он будет проверять свой товар. Если сумею избежать стычек с его людьми, сам Талал не представит для меня особой угрозы.

– Особой угрозы, – повторил Малик, презрительно скривив губу. – Ты бы себя со стороны послушал. Неистребимая самонадеянность.

Альтаир мысленно отчитал себя. Малик был прав. Он вспомнил дамасского глашатая. Тогда он сильно недооценил противника. Глашатай едва не одолел его.

– Мы закончили? – спросил Альтаир, оставив эти мысли при себе. – Ты доволен тем, что я узнал?

– Нет, – ответил Малик, подавая Альтаиру метку Аль-Муалима. – Но придется удовлетвориться этим.

Альтаир кивнул. Он снова посмотрел на пустой левый рукав Малика и хотел было что-то сказать, но промолчал. Никакими словами нельзя было оправдать случившееся. Он слишком много задолжал Малику, чтобы надеяться на его прощение.

Альтаир молча повернулся и вышел из бюро. Его ожидала очередная цель, которую он наградит смертельным поцелуем своего клинка.

Вскоре Альтаир пробрался на склад, где готовилась отправка живого товара. Он огляделся по сторонам, и увиденное ему не понравилось.

Склад никем не охранялся. Не было даже обычных смотрителей.

Альтаир сделал пару шагов и остановился. Нет. Тут что-то не так. Почему он не продумал возможность ловушки? Все на этом складе вызывало подозрение. Ассасин уже собирался повернуться и уйти, как дверь вдруг захлопнулась и заскрипел засов.

Выругавшись, Альтаир выхватил меч.

Он осторожно двинулся вперед. Глаза не желали привыкать к сумраку. Здесь было сыро. Пахло факелами и… чем-то еще. Запахом стада. Но стада не животных, а людей.

Редкие факелы освещали темные, осклизлые стены. Откуда-то капала вода. Следующим звуком, услышанным Альтаиром, был негромкий стон.

Глаза ассасина медленно привыкали к полумраку склада. Альтаир шагнул вперед, различив на своем пути какие-то ящики, бочки и… клетку. Ассасин приблизился и едва не отпрянул от увиденного. В клетке сидел человек. Жалкий, дрожащий, он сидел, подтянув колени к груди, и смотрел на Альтаира грустными слезящимися глазами. Потом протянул к нему трясущуюся руку:

– Помоги мне.

Звук, раздавшийся сзади, заставил Альтаира обернуться. Он увидел второго человека. Тот свисал со стены, прикованный за руки и за ноги. Голова свешивалась на грудь, и копна грязных волос закрывала лицо, но губы двигались, словно висящий шептал молитву.

Альтаир направился было к нему и тут же заметил решетку, вделанную в каменный пол. Оттуда на него глядело испуганное лицо еще одного раба. Костлявые пальцы несчастного впились в прутья решетки, взывая к Альтаиру. Раб был там не один. В глубине виднелось еще несколько силуэтов, слышались шорохи и голоса. Пространство склада наполнилось множеством голосов,

умолявших о помощи.

Альтаиру стало не по себе. Ему захотелось плотно заткнуть уши. Но неожиданно все эти стенания и мольбы перекрыл новый, более громкий голос:

– Тебе не стоило сюда приходить, ассасин.

«Наверняка это и есть Талал», – подумал Альтаир.

Он обернулся на голос и заметил балкон и несколько мелькнувших на нем теней. Лучники? Альтаир присел и нащупал свой меч.

Но если бы Талал хотел его смерти, Альтаир был бы уже мертв. Он угодил в западню, расставленную работорговцем, допустив дурацкую ошибку, свойственную ученику. Однако западня еще не захлопнулась.

– Ты не из тех, кто слушает других, – насмешливо продолжал Талал. – И потому частенько подставляешь свое братство под удар.

Альтаир подался вперед, пытаясь определить местонахождение Талала. Тот явно был где-то наверху. Но где именно?

– Неужели ты думал, что я ничего не знал о твоем приезде? – спросил бесплотный голос и усмехнулся. – Мне сообщили о тебе, едва ты появился в Иерусалиме. У меня повсюду есть глаза и уши.

Снизу донесся жалобный плач. Глаза Альтаира наконец-то привыкли к сумраку, и теперь ему были видны и другие решетки в полу, а за решетками – изможденные, заплаканные лица.

– Помоги нам… Спаси нас…

Клеток тоже хватало. Узниками Талала были мужчины и женщины: нищие, шлюхи, пьяницы и умалишенные.

– Помоги… Помоги…

– Рабов я вижу, – крикнул Альтаир. – А где же работорговцы?

Талал оставил вопрос без ответа.

– Узри же плоды моих трудов во всей их славе! – заявил он.

Вспыхнули новые факелы, высветив новые испуганные, умоляющие лица.

Впереди открылись вторые ворота, пропуская Альтаира дальше. Он поднялся на несколько ступенек и очутился в другом помещении, которое было просторнее первого. Вдоль всех стен на высоте пары метров от земли тянулась галерея. Впереди двигались какие-то тени. Альтаир покрепче сжал меч.

– Где же ты, работорговец? – снова спросил он.

Талал пытался его напугать. Были вещи, которых Альтаир действительно мог испугаться, но вряд ли работорговец был на них способен, в этом ассасин не сомневался.

– Не называй меня так! – потребовал Талал. – Я всего лишь хочу им помочь, как когда-то помогли мне.

Из соседнего помещения до ушей Альтаира все еще долетали негромкие стоны рабов. Хороша помощь, ничего не скажешь!

– Я бы не назвал помощью то, что ты превратил их в узников, – крикнул во тьму Альтаир.

– В узников? – переспросил Талал, по-прежнему не желая показываться. – Здесь они в безопасности. Я готовлю их к предстоящему путешествию.

– К какому еще путешествию? – презрительно усмехнулся Альтаир. – Ты готовишь их к подневольной жизни.

– Ты ничего не знаешь. По своей глупости ты явился сюда, думая, будто с ходу все поймешь.

– Я уже достаточно понял. У тебя не хватает смелости выйти ко мне. Ты прячешься среди теней. Довольно болтовни. Покажись!

– Ага… Так ты хочешь увидеть человека, который заманил тебя сюда?

На галерее послышалось движение.

– Ты не заманивал меня сюда, – возразил Альтаир. – Я сам пришел.

Ответом ему был смех.

– Неужели? – язвительно спросил Талал. – А кто открыл тебе дверь? Кто расчистил путь? Ты думал, что я тут один и ты легко меня прикончишь? Нет, ассасин. Я подготовился к встрече с тобой.

С потолка над галереей послышался скрежет, и на каменный пол упал луч солнечного света.

– Войди в полосу света, и я сделаю тебе последнее одолжение, – сказал Талал.

И вновь Альтаир напомнил себе: реши Талал разделаться с ним, лучники давным-давно прошили бы его стрелами. Он вошел в полосу света. На галерее появились люди в масках. Спрыгнув вниз, они бесшумно окружили Альтаира и теперь смотрели на него бесстрастными глазами. У каждого в руке был меч. Их груди вздымались от ровного дыхания.

Альтаир проглотил слюну. Их было шестеро. Альтаиру сразу вспомнились презрительные слова Малика об «особой угрозе».

Наверху послышались шаги, и Талал также встал под луч света. На нем был полосатый халат, подпоясанный широким кушаком. На плече висел лук.

– Ну вот, я стою перед тобой, – сказал Талал, простирая руки и улыбаясь, словно Альтаир был его дорогим гостем. – Я исполнил твое желание?

– Спускайся вниз, – потребовал Альтаир, мечом указывая на место рядом с собой. – Давай покончим с этим достойным образом.

– Ну почему непременно нужно прибегать к насилию? – В голосе торговца послышалось разочарование. – Вижу, ассасин, что я не смогу тебе помочь, поскольку ты не желаешь сам себе помогать. Ты не оставляешь мне выбора и потому должен умереть.

Он махнул своим людям. Те подняли свои мечи и бросились на Альтаира.

Ассасин выругался сквозь зубы и принял бой. Двоих он отогнал сразу, сосредоточившись на третьем. Остальные ждали своей очереди. Убедившись, что их противник не так уж прост, люди Талала изменили стратегию и решили атаковать Альтаира попарно.

Это упрощало дело. Альтаир схватил одного за плечи и швырнул в пятого по счету. В глазах своего противника ассасин заметил неподдельный ужас. Тот опрокинул своего товарища, и они оба упали, своротив и разнеся в щепки помост, что стоял поблизости. Альтаир воспользовался возникшей сумятицей и ударил мечом очередного нападавшего. Тот успел лишь вскрикнуть и рухнул замертво, распластавшись на каменном полу.

Люди Талала перестроились и начали кружить около ассасина. Он кружился вместе с ними, держа меч наготове. Альтаир улыбался, почти наслаждаясь сражением. Пятеро обученных убийц в масках против одного ассасина. Как же они ошиблись, считая, что одолеют его за считаные секунды. Это было видно по их лицам. Стоило Альтаиру убить одного, и у остальных сразу поубавилось уверенности.

Он наметил себе очередную цель. Когда-то давно Аль-Муалим научил его правилам сражения с несколькими противниками.

«Сражайся с одним, не упуская из виду остальных. Сделай его своей главной целью. Покажи ему, что он является твоей целью».

Альтаир улыбнулся. Его противник что-то проскулил.

«После этого добей его».

Альтаир со скоростью змеи сделал выпад. Его противник оказался гораздо медлительнее. Человек в маске тупо смотрел, как лезвие меча вонзилось ему в грудь, потом застонал и рухнул на колени. Альтаир выдернул меч, после чего занялся новой жертвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Салах ад-Дин – это лакаб, почетное прозвище, означающее «благочестие веры». Собственное имя этого правителя – Юсуф ибн Айюб (Юсуф, сын Айюба). (Примеч. перев.)

2

Руководитель бюро ассасинов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/oliver-bouden/assassin-s-creed-taynyy-krestovyy-pohod

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить